

СЕРГЕЙ КАРА-МУРЗА

1917

**ДВЕ РЕВОЛЮЦИИ –
ДВА ПРОЕКТА**

Уроки истории

Сергей Кара-Мурза

**1917. Две революции
– два проекта**

«Алгоритм»

2017

УДК 94(47)"1917"
ББК 63.3(2)6

Кара-Мурза С. Г.

1917. Две революции – два проекта / С. Г. Кара-Мурза —
«Алгоритм», 2017 — (Уроки истории)

ISBN 978-5-906979-64-3

Возможен ли хрестоматийно ясный взгляд на причины, движущие силы и саму суть революций 1917 года в современной России? Отношение общества, претерпевшего культурную травму в процессе краха СССР, к тем историческим событиям, считает автор книги, перегружено эмоциями и драматическими образами прошлого. С. Г. Кара-Мурза предлагает перевести важное обсуждение двух больших стратегических проектов – Февральской и Октябрьской революций – в плоскость рациональных понятий. «Общий язык понятий, логика и мера на время утихомирят страсти и позволят людям связать 1917 год с 2017 годом, а главное, взглянуть в будущее, – считает автор и подытоживает: – Это – наша национальная задача».

УДК 94(47)"1917"
ББК 63.3(2)6

ISBN 978-5-906979-64-3

© Кара-Мурза С. Г., 2017
© Алгоритм, 2017

Содержание

Предисловие	5
Предыстория: меньшевики и большевики	11
Русский либерализм. Кадеты	23
Эсеры	34
Предыстория Февральской революции	38
Крестьянство	48
Конец ознакомительного фрагмента.	54
Комментарии	

Сергей Кара-Мурза

1917. Две революции – два проекта

Предисловие

2017 год было решено сделать юбилеем: 100-летие «Великой российской революции». Президент В. В. Путин в Послании 2016 г. высказал важное суждение: «Наступающий, 2017 год – год столетия Февральской и Октябрьской революции. Это весомый повод ещё раз обратиться к причинам и самой природе революции в России. Не только для историков, учёных – российское общество нуждается в объективном, честном, глубоком анализе этих событий... Уверен, что ... уроки истории нужны нам прежде всего для примирения, для укрепления общественного, политического, гражданского согласия, которого нам удалось сегодня достичь. ... Давайте будем помнить: мы единый народ, мы один народ, и Россия у нас одна».

Центральной темой всех памятных мероприятий должно стать примирение между потомками белых и красных. Но эта программа очень сложна и рискованна. С самого начала инициативы юбилея было трудно определить *смысл названия*: «100 лет Великой российской революции». Откуда возникла эта формула? Что историки и политики называют «Великой российской революцией»? Уже в 70-е годы XIX века Маркс и Энгельс в полемике с русскими народниками разглядели, что в России параллельно назревали *две* революции – не просто различные, но и *враждебные* друг другу.

На первых этапах они могли переплетаться и соединяться в решении общих тактических задач, но их главные векторы и цели были принципиально различны. Позже Маркс и Энгельс пришли к убедительному выводу и внятно изложили в текстах:

– Маркс и Энгельс *поддерживали* революцию в России, не выходящую за рамки буржуазно-либеральных требований, свергающую царизм и уничтожающую Российскую империю. Это революция, расчищающая путь для развития капитализма; структура классовой базы такой революции для Маркса и Энгельса была несущественна;

– Маркс и Энгельс *отвергали* рабоче-крестьянскую революцию, укрепляющую Россию и открывающую простор для ее модернизации на собственных культурных основаниях, без повторения пройденного Западом пути развития капитализма.

Эти две революции и состоялись в России. Первой была Февральская революция 1917 г. В представлении западников и ортодоксальных марксистов (кадетов, меньшевиков и эсеров) это была *прогрессивная* революция. Вторая – Октябрьский переворот 1917 г. В представлении западников и ортодоксальных марксистов – *реакционная контрреволюция*. Против Октябрьской революции они *с помощью Запада* развязали Гражданскую войну. Более того, они призывали левые «прогрессивные силы» Запада к Крестовому походу против Советов, а после поражения в Гражданской войне пытались организовать террористическую борьбу.

Понятно, как сложно для историков соединить в название «Великая российская революция» *две* разные революции, которые столкнулись в Гражданской войне. Более того, в этой колоссальной и противоречивой Революции произошло столкновение *нескольких* проектов развития России. Государственность, общество и национальная система России как цивилизации оказались на распутье перед несколькими историческими выборами.

Главные из больших стратегических проектов можно выделить: консервативный (Столыпинская реформа), буржуазно-либеральный (Февральская революция), советский (Октябрьская революция), а также ряд важных движений, неустойчиво примыкавших к этим проектам (монархисты и националисты, меньшевики и эсеры, анархисты и заинтересованные внешние силы).

Советская власть и Белое движение в Гражданской войне создавали сложные коалиции и породили на всей территории (и даже за рубежами) процессы экстремальной интенсивности. Известно, что революции – это катастрофы. Они – крайние способы вырваться из исторической ловушки, попытки прорыва порочных кругов противоречий ценой бедствий и страданий. Тот факт, что российская революция обрела общенародный масштаб и имела сложную структуру, предопределил не только огромные потери, но и стал источником бесценного нового («постклассического») знания.

На этом знании произошла новая сборка народов и земель исторической России в форме СССР. В новых социальных и культурных формах были проведены индустриализация и модернизация села. На этой основе был создан «сплошной научный и технический фронт», который обеспечил победу в Великой Отечественной войне, а позже позволил построить надежный щит обороны. Из этого видна сложность системы нашей революции – разнообразие доктрин больших проектов и мобилизация культурных и духовных ресурсов произвели великий синтез, даже в столкновении ценностей и идеалов. Каждый проект, реализуя себя на практике, был *критическим экспериментом* (*experimentum crucis*) и обогатил своих противников необходимым опытом. Поэтому сейчас, через 100 лет, мы можем назвать эту катастрофу и возрождение из нее страны Великой Российской революцией.

Всё это историки знают досконально, они только разделились в личных оценках этих двух революций. В результате во время перестройки вновь сложились две враждебные общности, которые разошлись и стали непримиримыми. Это состояние чревато многими рисками, которые могут обернуться угрозами для всех общностей России. Задача нейтрализовать эти риски очень непроста потому, что в процессе краха СССР общество претерпело культурную травму, и отношения к двум революциям 1917 г. сейчас нагружены эмоциями и драматическими образами прошлого.

Власть, политическая система и наука должны найти формы, в которых группы нашего общества смогли бы высказаться и вести диалог в контексте *революции как культуры* и в научной плоскости – *революции как развивающейся системы*. Хотя это будет непросто, мы не должны подменить фундаментальные научные и мировоззренческие проблемы политической акцией. Этим займутся политические партии.

Другое дело в том, что цели этой программы пока что внятно не объяснены. Такая «встреча на юбилее» – явление гораздо более сложное, чем ожидают наши ведомства. Минкульт утверждал, что цели акции – «подчеркнуть наше российское величие и значение для мира, а с другой стороны – усилить единение российского общества и обеспечить национальное примирение». В декабре 2016 г. организаторы юбилея сообщили газете «Коммерсантъ»: «Выдвигаются разные концепции годовщины, в том числе радикальные – в пользу белых или красных. РИО (Российское историческое общество) выдвигает взвешенную позицию осмысления тех событий и примирения, насколько это возможно. РИО не станет местом, где будут сводиться исторические счета. ...О необходимости найти “платформу национального примирения” неоднократно говорил и Владимир Мединский, в частности на круглых столах Российского военно-исторического общества (РВИО), которое уже год проводит мероприятия к грядущему юбилею».

Такие, ничем не аргументированные надежды и декларации принять за цели всерьез нельзя. Значит, надо подключаться тем частям нашего травмированного общества, которые способны организоваться, чтобы не дать эмоциям выйти из-под контроля. Вспомним, чем обернулось для народов постсоветских республик принятие закона о «репрессированных народах» и какие эффекты он еще порождает.

В СМИ один обозреватель (доцент НИУ ВШЭ П. Родькин) заметил в ноябре 2016 г.: «Столетие революции – это слишком мощная символическая дата, чтобы ее можно было каким-то образом обойти или не заметить, особенно учитывая то, что она поднимает ряд

актуальных социальных вопросов. Поэтому естественно, что так или иначе тема столетия революции властями будет подниматься, причем, на мой взгляд, с однозначным знаком “минус”. В следующем году мы еще увидим и услышим огромное количество фальшивок, клеветы и нападок по отношению к большевикам и всему советскому, поскольку современным политическим классом Октябрьская революция воспринимается как враждебный и социально чуждый проект...

Во многом в этой дискуссии господствует навязанная упрощенно негативная трактовка событий 1917 года, возникшая во время перестройки и в девяностые годы. ... Эта пропагандистская со знаком “минус” повестка действительно ничего нового не открывает и отвлекает от существенных вопросов, переключая внимание на третьестепенные проблемы. Попытка внедрить или опровергнуть многочисленные фейки уводит от понимания смысла тех событий, их социальной сути»^[1].

Другой политолог и публицист, Ф. Крашенинников, сказал тоже в ноябре 2016 г. так: «Уже скоро российским властям придется столкнуться на этом пути с серьезным вызовом – столетием Октябрьской; ни одна из трактовок революции 1917 года не укладывается в рамки нынешнего мифотворчества российских властей...

Грядущее столетие революции является серьезным идеологическим вызовом для нынешней власти, и кремлевским политологам и историкам будет непросто подгонять столетие революции под нужды современной пропаганды. ...Как может юбилей пройти? Весь 17-й год – это целый год неудобных юбилеев. Сначала будет юбилей Февральской революции, Корниловского мятежа, выборов в Учредительное собрание, потом Октябрьская революция, потом рождение ЧК. ...Замолчать это не удастся, потому что непонятно, о чем, собственно, тогда говорить, если не об этом. Никто же не заставлял их тащить историю в повседневность»^[2].

Председатель оргкомитета юбилея ректор МГИМО А. Торкунов предупредил: «Мы исходим из того, что эта тема не должна стать поводом для раздора и обострения в обществе». Ну, раз «тема не должна» вести себя плохо, то, конечно, на нас снизойдет гражданское согласие – МГИМО знает. Но это, скорее, благие пожелания. А что, если вместо единения и примирения, наоборот, углубится раскол?

Как сообщила пресса, в Администрации Президента полагали, что любые усилия по смысловому наполнению годовщины революции в России – исключительно «прерогатива научного сообщества». Так не получится. Эта программа неизбежно проектировалась и оформлялась решениями не как событие научно-просветительское и культурное, а как сложное *политическое действие*. Причина для этого в том, что предполагаемые риски проявляются и будут проявляться не в научной, а в политической сфере.

Вот реальное состояние проекта. 23 января 2017 г. состоялось первое заседание оргкомитета по юбилею революции, там уточнили, что комитет этот общественный, а не государственный. Ход работы этого «негосударственного» комитета осветила Парламентская газета, ее обзор называется: «Наследие 1917-го: пришло время лечить “национальную травму”». Парламентарии и эксперты надеются, что столетие революции в России станет поводом прекратить противостояние в обществе».

Можно ли назвать комитет «парламентариев и экспертов» негосударственным? Вот выступает глава Комитета Госдумы по образованию и науке В. Никонов (по совместительству декан факультета государственного управления Московского государственного университета) – он представляет не государство?

Выступает директор Института российской истории РАН Ю. Петров. Он уточнил, что формулировка «Великая русская революция» не означает позитивного отношения к случившемуся, а лишь подчёркивает его масштаб. Это странно! Историк (гуманитарий!), называя русскую революцию «Великой», оценивает ее *количеством*, а не *качеством*. Позитив-

ное отношение? Ни в коем случае. А негативное отношение разрешается? Скажите нам прямо, уважаемые «парламентарии и эксперты». Может быть, Институт российской истории РАН предложит называть Великим нашествие Наполеона – это «лишь подчёркивает его масштаб», и никаких оценок?

Так оргкомитет добивается общественного примирения и согласия в противостоянии различных оценок происшедшего. «В этом – надежда нашего профессионального сообщества», – подчеркнул Ю. Петров.

В. Никонов утверждает: «важен профессиональный анализ, а не хлёсткие политические оценки». Что считается «профессиональным» – измерение масштаба? А может, именно требуемые «политические оценки»? Тут встает председатель Комитета Госдумы по труду, социальной политике и делам ветеранов Я. Нилов (ЛДПР) и профессионально дает хлёсткую политическую оценку: то, что предлагают называть сегодня «Великой русской революцией», – произошедший сто лет назад незаконный захват власти в России.

Конкретно он сказал: «Это был госпереворот, одна из первых “цветных” революций в истории. Последствия её мы ощущаем до сих пор: именно тогда подорвали духовно-нравственные основы государства, интеллигенция была уничтожена, начался геноцид верующих, раскулачивание, потом голод, репрессии. ...В сельском хозяйстве мы так и не можем выйти на тот потенциал, которым обладали в 1913 году. В целом всё, что сделано в 1917 году с Россией, сделано в интересах и на деньги зарубежных государств»^[3].

Парламентская газета не сообщает, были ли «бурные аплодисменты, переходящие в овацию». Вот такие у нас председатели Комитетов Госдумы, особенно «по труду, социальной политике и делам ветеранов».

Но больше всего поражает, что видные историки считают мероприятие «столетия Революции» простым делом. Они если и предполагают какие-то неприятности, то от политиков. Академик А. О. Чубарьян заявил: «Информационные войны ведут не профессионалы, не историки». Это иллюзия.

Разве он не знает профессора МГУ, МГИМО и РГГУ академика Ю. С. Пивоварова или профессора МГИМО А. Б. Зубова? Они ведут именно идеологические информационные войны. И таких историков – легион. Тем не менее А. О. Чубарьян утверждает: «У нас есть академические институты, есть факультеты и кафедры истории в университетах, которые способны справиться с любыми попытками искажения истории».

Неужели это всерьёз? Вот профессор и историк Б.В. Соколов утверждает, что общее число погибших советских военнослужащих в ВОВ – 26,4 млн человек, а немцы на Восточном фронте якобы потеряли всего 2,6 млн (то есть соотношение потерь 10:1). Почему же РАН не «справилась с этими попытками искажения истории»? Этот историк публикует книги, выступает на телевидении, а за ним и академик РАН А. Н. Яковлев, по словам В. В. Познера, «говорит о 27 миллионах погибших солдат именно, то есть военных».

Несмотря на это, А. О. Чубарьян уверен, что «история революции 1917 года сегодня – это тема для дискуссии как между профессионалами в истории, так и в обществе».

Ну, какие сейчас могут быть «дискуссии как между профессионалами в истории, так и в обществе»? Это профанация. Профессионалы и в истории, и во всем обществоведении ориентированы не на истину (как в науке), а на нравственные ценности (как в идеологии). Именно дефицит объективности и беспристрастности был важным фактором краха как Российской империи, так и СССР. А сейчас кризис методологии гуманитарной интеллигенции еще более углубился.

Объективного анализа двух наших революций от дискуссий широкой публики уж тем более ожидать нельзя. Видный социолог так определяет состояние общества (2012): «Общество постепенно отучили размышлять. Эта усиливающаяся тенденция принимается без возражения и им самим, так как осознание происшедшего приводит к глубокому психо-

логическому дискомфорту. Массовое сознание инстинктивно отторгает какой-либо анализ происходящего в России»^[4].

Российское «общество спектакля», созданное телевидением, и мозаичная культура, превращающая личность в «человека массы», так резко усилили давление на человека, что это стало острой проблемой, особенно при наступлении «третьей волны» кризиса. Австрийский философ Карл Краус афористично выразился о капиталистической правящей верхушке: «У них – пресса, у них – биржа, а теперь у них еще и наше подсознание».

В научном совете Совета безопасности было принято утопическое решение о необходимости в течение года 100-летия революции «противостоять попыткам намеренного искажения этого и других важнейших периодов в российской истории». Каким прибором Совет безопасности будет определять, намеренное искажение совершают профессор Б.В. Соколов и академик А.Н. Яковлев или искреннее, по незнанию? И чем искренние попытки искажения фактов лучше намеренных? Почему искажению из-за невежества не надо противостоять? Все это решение научного синклита выглядит крайне странно.

Не может быть проблема консолидации общества «прерогативой научного сообщества». Это национальная проблема и одна из главных функций государства. А данный момент установки для интерпретации истории революции дает власть. Сам глава Правительства РФ: Д. А. Медведев в сентябре 2016 г., говоря конкретно о 100-летию Октябрьской революции, заявил: «Эта революция – очевидный пример того, как с утратой стабильности были, по сути, разрушены основы экономики и на долгие годы утрачены перспективы экономического роста».

Какой профессиональный историк или экономист после этого начнет объяснять главе Правительства, какие в реальности были «перспективы экономического роста» СССР, или даже сравнивать их с успехами экономической политики нынешнего Правительства? Таких чудак среди историков и экономистов в России нет.

В прессе появились туманные исповедальные установки типа: «И у этих своя правда, и у тех своя правда. У всех есть своя правда – вот мы эти правды приняли и примирились!» Что это такое? Кто это придумал? Ведь понятие «правда» в таком контексте – грубая демагогическая метафора. Ах, у грабителя своя правда, а у ограбленного ведь тоже есть своя правда! Значит, они примирились.

Кто-то в Интернете предложил разделить революционеров по другому принципу: «У победителей и у жертв была своя правда». Эти две несоизмеримые категории («победители – жертвы») резко осложняют дело. Теперь мы должны будем понять «правду жертв» и «правду победителей». Победители – видимо, это те, кому посчастливилось избежать судьбы жертв? И как мы будем укреплять гражданское согласие их правнуков?

Чтобы успокоить вековые раны и обиды, не надо читать в сердцах и выпытывать у людей правду их предков. Разумно перевести разговор в плоскость рациональных понятий, тогда и можно будет разным общностям приблизиться к объективной картине. Общий язык понятий, логика и мера на время утихомирят страсти и позволят людям связать 1917 год с 2017 годом, а главное, взглянуть в будущее. Это – наша национальная задача.

А ведь можно изложить простым и сухим языком, без призраков и фанфар, два больших стратегических проекта, которые предложили России две революции – Февральская и Октябрьская. Консервативный проект монархии был проверен и отведен без боя. Промежуточные проекты – националистов и анархистов – пока что можно отложить. Сейчас есть достаточно исторических материалов научного типа. Надо только составить популярное описание двух проектов с внятными структурами и с главными смыслами, а не с сенсационными эпизодами и эксцессами.

Официальная советская история нам представляла романтическую и упрощенную картины, думаю, чтобы быстрее закрыть раны Гражданской войны. Но сейчас нам всем насущно

необходима реальная система противоречий первой четверти XX века, потому что сейчас мы снова переживаем, в принципе, те же противоречия, но в новых условиях. Оттолкнуть урок 1917 года было бы преступлением перед внуками. На эмоциях мы из новой исторической ловушки не вылезем – такие революции повторять некому. Если она будет, то, судя по тенденциям, намного страшнее.

Попытка составить образы проектов Февральской и Октябрьской революций предлагается в этой книжке.

Предыстория: меньшевики и большевики

Доктрины Февральской и Октябрьской революций в разной степени и в разных направлениях восприняли и включили в себя установки марксизма. Но из-за этих различий доктрин шаг за шагом с 1903 до 1907 года вызревал раскол большевиков и меньшевиков. Эти две фракции спорили в их общей партии – РСДРП, – которая до 1918 г. формально была единой. Близкими к этой партии были два сообщества: «легальные марксисты», которые сдвинулись к «русскому либерализму» (Конституционно-демократическая партия, или «Партия народной свободы», *кадеты*), и радикальные социалисты-революционеры (*эсеры*).

Сначала скажем о меньшевиках и большевиках. Важный аспект – основоположники этих направлений принадлежали к двум разным поколениям и с разными картинками мира.

Первая российская социально-демократическая организация «Группа освобождения труда» была основана в эмиграции в 1883 году группой Плеханова, Игнатова, Засулич, Дейча и Аксельрода. Плеханов и его соратники ознакомились с опытом западноевропейского рабочего движения, изучили представления научного социализма. Группа «Освобождение труда» провозгласила свои основные цели и задачи так:

- перевод на русский язык важнейших трудов К. Маркса и Ф. Энгельса, а также произведений их последователей для распространения идей научного социализма;
- критика народничества и разработка проблем русской общественной жизни с точки зрения теории марксизма.

Эта группа создала первую парадигму «русского марксизма», и почти все они были верны этой парадигме – Плеханов и меньшевики, а также «легальные марксисты», ставшие идеологами «русского либерализма» и мозговым центром Февральской революции.

Приведем несколько главных постулатов из учения Маркса, которые были включены в первую парадигму «русского марксизма»:

- «Средние сословия: мелкий промышленник, мелкий торговец, ремесленник и крестьянин – все они борются с буржуазией для того, чтобы спасти свое существование от гибели, как средних сословий. Они, следовательно, не революционны, а консервативны. Даже более, они реакционны: они стремятся повернуть назад колесо истории...

Первые попытки пролетариата непосредственно осуществить свои собственные классовые интересы во время всеобщего возбуждения, в период ниспровержения феодального общества, неизбежно терпели крушение вследствие неразвитости самого пролетариата, а также вследствие отсутствия материальных условий его освобождения, так как эти условия являются лишь продуктом буржуазной эпохи. Революционная литература, сопровождавшая эти первые движения пролетариата, по своему содержанию неизбежно является реакционной. Она проповедует всеобщий аскетизм и грубую уравнильность» (Манифест Коммунистической партии. 1848).

- «Коммунизм в его первой форме... имеет двоякий вид: во-первых, господство *вещественной собственности* над ним так велико, что он стремится уничтожить *все* то, чем, *на началах частной собственности*, не могут обладать все; он хочет *насильственно* абстрагироваться от таланта и т. д. Непосредственное физическое *обладание* представляется ему единственной целью жизни и существования; категория *рабочего* не отменяется, а распространяется на всех людей; отношение частной собственности остается отношением всего общества к миру вещей...

Этот коммунизм, отрицающий повсюду *личность* человека, есть лишь последовательное выражение частной собственности, являющейся этим отрицанием. Всеобщая и конституирующаяся как власть *зависть* представляет собой ту скрытую форму, которую принимает *стяжательство* и в которой оно себя лишь иным способом удовлетворяет...

Грубый коммунизм есть лишь завершение этой зависти и этого нивелирования, исходящее из *представления* о некоем минимуме. ...Что такое упразднение частной собственности отнюдь не является подлинным освоением ее, видно как раз из абстрактного отрицания всего мира культуры и цивилизации, из возврата к *неестественной простоте бедного*, грубого и не имеющего потребностей человека, который не только не возвысился над уровнем частной собственности, но даже и не дорос еще до нее.

Для такого рода коммунизма общность есть лишь общность *труда* и равенство *заработной платы*, выплачиваемой общинным капиталом, *общинной* как всеобщим капитализмом. Обе стороны взаимоотношения подняты на ступень *представляемой* всеобщности: *труд* – как предназначение каждого, а *капитал* – как признанная всеобщность и сила всего общества...

Таким образом, первое положительное упразднение частной собственности, *грубый коммунизм*, есть только *форма проявления* гнусности частной собственности, желающей утвердить себя в качестве *положительной общности*» (Маркс К. Экономико-философские рукописи 1844 г.).

– «Предметом моего исследования в настоящей работе является капиталистический способ производства и соответствующие ему отношения производства и обмена. Классической страной капитализма является до сих пор Англия. В этом причина, почему она служит главной иллюстрацией для моих теоретических выводов... Существенна здесь, сама по себе, не более или менее высокая ступень развития тех общественных антагонизмов, которые вытекают из единственных законов капиталистического производства. Существенны сами эти законы, сами эти тенденции, действующие и осуществляющиеся с железной необходимостью...

Для того чтобы предмет нашего исследования был в его чистом виде, без мешающих побочных обстоятельств, мы должны весь торгующий мир рассматривать как одну нацию и предположить, что капиталистическое производство закрепилось повсеместно и овладело всеми отраслями производства» (Маркс К. Капитал).

– «Русские должны будут покориться той неизбежной международной судьбе, что отныне их движение будет происходить на глазах и под контролем остальной Европы» (Энгельс Ф. О социальном вопросе в России. 1875).

Эти постулаты были предупреждениями революционерам незападных культур, и в первую очередь – России.

В работе группы Плеханова очень важны были их непосредственные контакты с Марксом и его соратниками. Ф. Энгельс высоко оценивал деятельность группы «Освобождение труда». «Я горжусь тем, – писал он в 1885 г. В.И. Засулич, – что среди русской молодежи существует партия, которая искренне и без оговорок приняла великие экономические и исторические теории Маркса и решительно порвала со всеми анархическими и несколько славянофильскими традициями своих предшественников. И сам Маркс был бы также горд этим, если бы прожил немного дольше. Это прогресс, который будет иметь огромное значение для развития революционного движения в России»^[5].

В 1894 г. был создан «Союз русских социал-демократов за границей». Когда эта группа объединилась с ленинской «Искрой», вначале был период плодотворного сотрудничества Ленина и Плеханова, затем (в период 1901–1903 гг.) выявились между ними идейные разногласия, которые окончательно обострились после 2-го съезда РСДРП, что привело к разделению российской социал-демократии на большевиков и меньшевиков.

Сохранилось мало сведений о критике внутри сообщества социалистического движения в России. Судя по дайджестам в Интернете, этому способствовал тот факт, что в 1930-е годы, когда активизировался процесс политизации исторической науки, произошло существенное упрощение «канонической» версии революционного движения и уничтожено

множество документов и первоисточников, этой версии противоречивших. Отдельные отголоски критики и полемики внутри марксистов сохранились в сочинениях Ленина, но до советской интеллигенции они не доходили.

Кратко отметим траекторию вождей меньшевиков. Засулич принимала активное участие в деятельности II Интернационала – была представительницей российской социал-демократии на трёх его конгрессах в 1896, 1900 и 1904 гг. Она и Плеханов были в переписке с Марксом и в личном контакте с Энгельсом.

О них пишут: «Вера Засулич с момента её приезда в Англию была одним из тех постоянных посетителей дома на Риджентс-парк-род (где жил Фридрих Энгельс), которые не нуждались в специальных приглашениях. Георгий Плеханов, её верный друг и товарищ по работе, один из способнейших теоретиков и остроумнейших людей в партии, ...разумеется, постоянно бывал у Энгельса во время своего краткого пребывания в Англии»^[6].

После Второго съезда РСДРП (1903) Засулич стала одним из лидеров меньшевизма. В апреле 1917 г. она подписала воззвание к гражданам России, призывая поддерживать Временное правительство, ставшее коалиционным. Октябрьскую революцию 1917 г. Засулич считала контрреволюционным переворотом, прервавшим нормальное политическое развитие буржуазно-демократической революции, и расценивала созданную большевиками систему советской власти зеркальным отражением царского режима.

Одним из организаторов Партии социалистов-революционеров (эсеров) и их Боевой организации была Е. К. Брешко-Брешковская – «бабушка русской революции». С ней сотрудничал П. Б. Аксельрод, она в 1904 г. приняла участие в работе конгресса II Интернационала.

Все эти люди входили в когорту рождения 1840–1850 гг. Вот годы их рождений: Аксельрод – 1849, Плеханов – 1856, Засулич – 1849, Брешко-Брешковская – 1844. Они приняли идеи и установки марксизма почти непосредственно из рук Маркса и Энгельса. Национальный состав меньшевиков (данные на 1907 год): 34 % русских, 29 % грузин, 23 % евреев.

Последователи лидеров меньшевиков в массе сохранили приверженность к их парадигме. Как вспоминает меньшевичка Лидия Дан, сестра Мартова, в 90-е годы XIX века для студента было «почти неприличным» не стать марксистом. Особую роль в формировании мировоззрения меньшевистской молодежи сыграли марксистские произведения Плеханова. Историк меньшевизма Л. Хеймсон пишет: «В этих работах молодежь, пришедшая в социал-демократию, нашла опору для своего бескомпромиссного отождествления с Западом и для своего не менее бескомпромиссного отвержения любых форм российской самобытности»^[7].

А вот когорта «10 знаменитых большевиков», лидером которых был Ленин (род. 1870): Преображенский Е. А. – 1886, Бухарин Н. И. – 1888, Троцкий Л. Д. – 1879, Каменев Л. Б. – 1883, Сталин И. В. – 1879, Калинин М. И. – 1875, Молотов В. М. – 1890, Дзержинский Ф. Э. – 1877, Зиновьев Г. Е. – 1883, Томский М. П. – 1880. Национальный состав делегатов большевиков на 5-м съезде РСДРП (1907): 78 % русских, 11 % евреев^[8].

Философы, идеологи и конструкторы Февральской и Октябрьской революций принадлежат к разным поколениям – с разрывом 20–25 лет. Это очень большой разрыв.

Основоположники меньшевизма и либерализма мировоззренчески выросли в атмосфере механистического детерминизма, когда в образованном слое господствовала картина мира, которая опиралась на ньютоновскую модель мироздания. На ней выросла политэкономия Адама Смита и Маркса, а также исторический материализм с теорией революции и формационным подходом. На этом стояло учение Маркса, столь жесткое, что Марксу и Энгельсу пришлось отвергнуть второе начало термодинамики.

В письме Марксу от 21 марта 1869 г. Энгельс называет концепцию энтропии «нелепейшей теорией»: «Я жду теперь только, что попы ухватятся за эту теорию как за последнее слово материализма. Ничего глупее нельзя придумать... И все же теория эта считается тончайшим и высшим завершением материализма. А господа эти скорее сконструируют себе

мир, который начинается нелепостью и нелепостью кончается, чем согласятся видеть в этих нелепых выводах доказательство того, что их так называемый закон природы известен им до сих пор лишь наполовину. Но эта теория страшно распространяется в Германии»^[9].

В «Диалектике природы» он пишет: «Излученная в мировое пространство теплота должна иметь возможность каким-то путем, – путем, установление которого будет когда-то в будущем задачей естествознания, – превратиться в другую форму движения, в которой она может снова сосредоточиться и начать активно функционировать». Энгельс специально подчеркивает, что видит выход в том, что можно будет «вновь использовать» излученную теплоту: «Вопрос будет окончательно решен лишь в том случае, если будет показано, каким образом излученная в мировое пространство теплота становится снова используемой».

Конец XIX – начало XX века было временем кризиса этой классической механистической картины мира и замены ее картиной необратимостей, неравновесия и нелинейных процессов. Эта картина переходов «порядок – хаос» сразу в ином свете представила системы противоречий. В этой атмосфере выросли вожди большевиков, начиная с Ленина.

Для нас и сейчас важно разобраться, почему у Ленина и большевиков при организации партии РСДРП сразу (1901–1903) возникли идейные разногласия с «образованными марксистами». Ведь и в кружках будущих большевиков проект будущего разрабатывался под знаменем марксизма – «Коммунистический Манифест», «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!».

Почему Плеханов и Засулич восприняли Октябрь как реакционный контрреволюционный переворот? А Аксельрод даже писал в «Политическом завещании»: «Большевизм зачат в преступлении, и весь его рост отмечен преступлениями против социал-демократии. ...Где же выход из тупика? Ответом на этот вопрос и явилась мысль об организации интернациональной социалистической интервенции против большевистской политики... и в пользу восстановления политических завоеваний февральско-мартовской революции».

Действительно, после 1905 г. Ленин стал отвергать догмы Маркса одну за другой. Апрельские тезисы, определившие проект Октябрьской революции, были ядром совершенно *иной парадигмы* антикапиталистической революции. Эта парадигма, заявлявшая себя как марксистская, выросла не из учения Маркса, а из реальности капиталистического империализма и судьбы стран и культур, которые были втянуты в периферию мирового капитализма.

Интеллектуалы Февраля и западные социал-демократы пытались следовать канону западных буржуазно-демократических революций, разработанному в учении Маркса, и новизна их инновации была лишь в том, что она происходила в иных месте и культуре. Они мыслили в рамках модерна XIX века, в парадигме *науки бытия*. А большевики мыслили в логике *науки становления*^[10].

Здесь необходимо отступление. Многие историки и политологи соглашались, что два поколения российских марксистов – меньшевики и большевики – мыслили и действовали в разных парадигмах. Но этому различию в нашем обществоведении не придавали большого значения, а многие об этом не знали. Это ошибка. Разные парадигмы – значит, эти общности видят *разные картины мира* (включая человека, общество, государства и т. д.). Они видят, изучают и оценивают разные факты, разные процессы и явления. Они по-разному понимают пространство и время, следуют разным способам и нормам мышления и объяснения, при разрешении внешне одной и той же проблемы они принимают разные решения.

Смена парадигмы произошла у части ученых в естествознании в начале XX века, а в гуманитарных и социальных науках довольствуются прежней парадигмой. Приведем краткую выжимку из описания этого сдвига в книге, полезной для нашей темы^[11]:

«В последние несколько веков источником парадигм, применяемых в социальной, политической, военной сферах, становилась наука, роль которой тем самым не ограничивалась границами научного познания. Например, ньютоновская наука дает всеохватывающую

парадигму, характеризующую всю современную западную культуру. Это означает, что необходимо быть весьма осторожными при рассмотрении новых метафор и парадигм, потому что, внедряя идеи и “картины мира” в основание мира, мы ведем к “постоянному изменению самих событий”. А мир часто оказывается катастрофически хрупким. С другой стороны, искусственное торможение процессов развития общества и появления новых парадигм также недопустимо, и “тот, кто не применяет новые средства, должен ожидать новых бедствий – время является величайшим новатором” (Френсис Бэкон).

Питер Друкер отмечал, что «каждые несколько сотен лет в западной истории происходят резкие трансформации, в которых общество перестраивает себя: свое видение мира, базисные ценности, социальную и политическую структуры, свое искусство, основные институты. Пятьдесят лет назад это был новый мир, и люди, родившиеся тогда, не могли даже вообразить мир, в котором жили их прадеды и родились их собственные родители».

До последнего времени доминантной парадигмой Западного мира являлась ньютоновская (или линейная) парадигма. В своей основе она придерживается механистического видения мира – подхода, глубоко укорененного в сознании и мышлении западного человека. «Линейность предлагает структурную стабильность и делает акцент на равновесии. Она легитимирует простые экстраполяции известного развития, масштабирование и разделение на части. Она обещает предсказуемость и, следовательно, контроль – действительно, очень мощная притягательность».

Свойства линейности включают пропорциональность, аддитивность, масштабируемость, редукционизм. Пропорциональность приводит к тому, что для линейных систем малое входное воздействие приводит к малому выходному отклику, большое воздействие – к большому. Аддитивность обеспечивает легитимность линейного редукционизма – практики разделения большой и сложной проблемы на ряд относительно небольших и менее сложных задач, через решение которых находится решение исходной проблемы. Если система является линейной, то обладание лишь частичной информацией о ее структуре и функциях чаще всего позволяет «вычислить» свойства и функции системы в целом.

Линейность пронизывает все стороны жизни западного общества. Метафорой линейной парадигмы могут служить механические часы – тонко настроенный механизм, работающий ровно и точно, тикающий предсказуемо, измеримо и надежно. Когда дела идут хорошо, то все «идет как часы», если организация хорошо работает, то о ней говорят как о «хорошо смазанной машине». Ньютоновская парадигма линейности оказалась такой ясной и простой, что была просто неотразима. Она навязывала регулярность и масштабируемость там, где ее не было. Для объяснения явлений она упрощала и линеаризировала процессы, идеализируя социальную и объективную реальность. Получающееся видение социальной реальности оказывалось мощным, технологичным и... узким. Как отмечает Ян Стюарт, за такой результат приходится платить соответствующую цену, заключающуюся в ограничении видения рассматриваемых процессов, так как воображение и мышление оказывались фундаментально линейными. «Мы оказались в состоянии получить аналитические уравнения, которые обеспечивают предсказание, но только при непременном требовании, что системе не позволяется слишком быстро меняться во времени.

Мы искусственно требуем, чтобы наши системы были стабильными в максвелловском смысле, и затем удивляемся проявлениям нестабильности, с которой сталкиваемся в реальном мире».

Главная неадекватность линейной парадигмы оказалась связана с неспособностью учитывать взаимодействия, так как она концентрируется на рассмотрении элементов, агентов рассматриваемых процессов, пренебрегая или абстрагируясь от взаимодействий. В большинстве случаев именно взаимодействия между агентами системы приводят к появлению нелинейности и необходимости разработки новой, нелинейной парадигмы. Ограниченность

линейной парадигмы и необходимость поиска новых подходов была осознана достаточно недавно. Неявное допущение линейности, которая выступает в качестве нормы, пронизывает весь западный мир.

Под постньютоновской, или нелинейной, парадигмой подразумевается систематизация природных, общественных явлений и процессов в качестве нелинейного феномена. Нелинейные системы демонстрируют отсутствие пропорциональности и аддитивности, когда малые воздействия на входе системы могут приводить к большим откликам на выходах, а невозможность абстрагирования от взаимодействий не позволяет применить методов линейного редукционизма, позволяющих осуществить декомпозицию системы на ряд подсистем меньшего масштаба. При исследовании нелинейной системы недостаточно думать о ней только в терминах частей или аспектов, вычленяемых заранее, через анализ и комбинирование которых получают характеристики системы в целом, то есть «целое оказывается больше, нежели сумма составляющих его частей». Результаты не должны предполагаться в качестве повторяемых, то есть попытки повторить один и тот же эксперимент наталкиваются на невозможность обеспечить его повторение.

Нелинейная динамика, приводящая к произвольной чувствительности к малейшим изменениям в начальных условиях, делает невозможным какое-либо повторение или предсказание результатов эксперимента – краеугольный принцип классических естественных наук¹. «Коннотация нелинейности включает в себе смесь угрозы и возможности. Нелинейность может генерировать нестабильность, разрывы, синергизмы и непредсказуемость. Но она также отдает должное гибкости, адаптивности, динамическим изменениям, инновации и оперативности».

В 1986 году сэр Джеймс Лайтхил (позже президент Международного союза чистой и прикладной математики) сделал необычное заявление: он извинился от имени ученых за то, что «в течение трех веков образованная публика вводилась в заблуждение апологией детерминизма, основанного на системе Ньютона, тогда как можно считать доказанным, по крайней мере с 1960 года, что этот детерминизм является ошибочной позицией».

В те времена было очевидно – и меньшевики-марксисты, и легальные марксисты кадеты, и эсеры, и западные социал-демократы – мыслили и проектировали будущее кардинально иначе, чем Ленин и его соратники. Поэтому проект Октябрьской революции был совершенно иной, чем у Февральской революции.

Это грубо выразил Антонио Грамши в статье об Октябрьской революции (5 января 1918 г.) под названием «Революция против “Капитала”»: «Это революция против “Капитала” Карла Маркса. “Капитал” Маркса был в России книгой скорее для буржуазии, чем для пролетариата. Он неопровержимо доказывал фатальную необходимость формирования в России буржуазии, наступления эры капитализма и утверждения цивилизации западного типа... Но факты пересилили идеологию. Факты вызвали взрыв, который разнес на куски те схемы, согласно которым история России должна была следовать канонам исторического материализма. Большевики отвергли Маркса. Они доказали делом, своими завоеваниями, что каноны исторического материализма не такие железные, как могло казаться и казалось»^[12].

Смена парадигмы русской революции у Ленина и в то же время использование большевиками марксизма в форме советской идеологии – важный раздел нашей новейшей истории. Важно потому, что наши молодые креативные марксисты уже в 1950-е годы раскопали главные труды Маркса, которыми было очаровано первое поколение русских марксистов,

¹ Разработкой компьютерной модели для предсказания погоды на основе достаточно простой системы нелинейных дифференциальных уравнений занимался Эдвард Лоренц. При определенных параметрах модель оказывалась чувствительной к параметрам на входе, незначительное изменение которых приводило к совершенно разным состояниям системы (1963). Явление получило название «эффекта бабочки»: взмах крыльев бабочки в одной точке земного шара может привести к шторму в его противоположной точке.

ставшее радикально антисоветским. А главное, что эти талантливые молодые марксисты воспитали «шестидесятников», а они посредством машины образования очаровали достаточную часть интеллигенции и номенклатуры, чтобы они через 70 лет совершили ремейк Февральской революции с криминальным оттенком.

Версию этого раздела истории сжато представим далее.

Советский истмат обходил такой важный факт: с 1901 г. Ленин начал спорить с Плехановым по принципиальным вопросам, а после 1905 г. так же принципиально стал спорить с главными установками Маркса. Хотя перед этим он блестяще выполнил завет Маркса – разгромить народников. Но тогда пять лет были целым периодом, и многие люди быстро осваивали развивающуюся реальность.

В 1897 г. Ленин пишет статью «От какого наследства мы отказываемся», где так определил суть народничества, две его главные черты: «признание капитализма в России упадком, регрессом» и «вера в самобытность России, идеализация крестьянина, общины и т. п.». Затем написал ортодоксальную книгу «Развитие капитализма в России» (1899).

Легальный марксист П. Струве утверждал, что капитализм есть «единственно возможная» форма развития для России, и весь ее старый хозяйственный строй, ядром которого было общинное землепользование крестьянами, есть лишь продукт отсталости: «Привить этому строю культуру – значит его разрушить».

Марксисты были уверены, что разрушение этого строя капитализмом быстро идет в России, Плеханов даже считал, что это уже состоялось. М. И. Туган-Барановский (легальный марксист) в своей книге «Основы политической экономии» признавал, что при крепостном праве «русский социальный строй существенно отличался от западноевропейского», но с ликвидацией крепостного права «самое существенное отличие нашего хозяйственного строя от строя Запада исчезает... И в настоящее время в России господствует тот же хозяйственный строй, что и на Западе».

Примерно то же самое писал и Ленин: «Доброму народнику и в голову не приходило, что, покуда сочинялись и опровергались всяческие проекты, капитализм шел своим путем, и общинная деревня превращалась и превратилась в деревню мелких аграриев».

А в 1908 г. Ленин пишет совсем иное: «Воюя с народничеством как с неверной доктриной *социализма*, меньшевики доктринерски просмотрели, прозевали исторически реальное и прогрессивное историческое содержание народничества... Отсюда их чудовищная, идиотская, ренегатская идея, что крестьянское движение реакционно, что кадет прогрессивнее трудовика, что “диктатура пролетариата и крестьянства” (классическая постановка) противоречит “всему ходу хозяйственного развития”. “Противоречит всему ходу хозяйственного развития” – это ли не реакционность?!»^[13]

«Чудовищная, идиотская, ренегатская идея!» Так Ленин квалифицировал идею элиты российских марксистов, которые точно следовали учению Маркса. Как это объясняли наши академики и профессора? Ведь это был кардинальный поворот в политике и культуре. Никак не объясняли! Более того, так припорошили этот факт, что буквально все советское общество о нем забыло.

Теперь в этом надо разобраться, потому что этот резкий разрыв в представлениях о России и о её будущем воспроизвелся (в новых формах) в конце XX века. Именно это заставляет углубляться в дела столетней давности.

Сразу изложу мое личное предположение об условиях, которые подтолкнули Ленина и его сообщников-большевиков пересмотреть доктрину ортодоксальных марксистов. И эти условия не только подтолкнули, но и «позволили» произвести пересмотр доктрины.

Первое условие – отсутствие у Ленина личных контактов с Марксом и Энгельсом. На него и на большевиков не действовала харизма этих очевидно великих людей. Русские революционеры, которые общались с ними в эмиграции, пусть опосредованно, почти все были

под их воздействием, даже видные народники. Среди революционных мыслителей было мало самостоятельных (таким, например, был Бакунин). А Ленин и его группа были свободны от психологического давления авторитета образа далеких вождей прошлого, потому что были отделены и от авторитетных меньшевиков.

Второе условие – малая доступность в России трудов Маркса и Энгельса, которые были бы важны и понятны русской молодежи начала XX в. Мне пришлось долго читать труды Ленина, написанные начиная с 1905 г., и в глаза бросалось, что он реально не опирался на главные труды Маркса, а использовал его гуманистические и пророческие афоризмы. На них и все мы учились, поэтому и не замечали этого у Ленина. Но в нашем положении в 1990-е годы пришлось углубиться в фолианты Маркса, особенно в его установки в отношении России, и это вызвало некоторое потрясение. Не ждали!

Сначала казалось, что Ленин, в его 35 лет, был таким изощренным и хитрым политиком, что замалчивал главные для русской революции суждения Маркса и внушал массе своих последователей, что именно он, Ленин, – истинный марксист, а меньшевики – ренегаты. Но за последние 15 лет, читая параллельно Маркса и Ленина, приходишь к более простому объяснению: суждений Маркса и Энгельса, которые были изложены во второстепенных статьях и письмах, Ленин не читал или не считал каноническими. Как и практически все большевики. Но оказалось, что эти суждения были главными для отношений между меньшевиками и большевиками, а значит, очень важными для русской революции. У Ленина просто не было времени копаться в старых газетах, рукописях и письмах Маркса. Собрания сочинений Маркса и Энгельса еще не было, их собрали только в 1950-х годах². А оригинальные непонятные рассуждения в известных трудах типа «Капитала» и «Немецкой идеологии» новое поколение в России опускало как неактуальные. Да и мало кто из них читал эти труды (как и сейчас).

Когда же у Ленина появилось достаточно времени, чтобы заняться штудированием учения Маркса – в эмиграции в 1915–1916 гг., он заполнил десять тетрадей конспектами и выписками из книг Маркса и его предшественников («Философские тетради», изданы в 1933 г.).

Ленин честно мучился, постигая мудрости диалектики. Вот небольшая часть его комментариев на полях «Философских тетрадей»: «здесь изложение какое-то отрывочное и сугубо туманное»; «почему “для-себя-бытие” есть “одно”, мне не ясно. Здесь Гегель сугубо тёмно, по-моему»; «темна вода»; «вообще всё “для-себя-бытие”, должно быть, отчасти понадобилось Гегелю для выведения того, как качество превращается в количество... сие производит впечатление большой натянутости и пустоты»; «переход количества в качество в абстрактно-теоретическом изложении до того тёмно, что ничего не поймёшь. Вернуться!!»; «развитие понятия отношение сугубо тёмно»; «тут вообще тьма тёмного...»; «дальнейшее развитие всеобщего, особенного и отдельного в высшей степени абстрактно и тёмно. ... Эти части работы следовало бы назвать: лучшее средство для получения головной боли!»; «рассуждения о “механизме” – дальше – сугубо тёмные и едва ли не сплошная чушь».

И вот главный результат штудирования Гегеля: «Нельзя вполне понять “Капитала” Маркса, и особенно его первой главы, не проштудировав и не поняв всей Логике Гегеля. Следовательно, никто из марксистов не понял Маркса полвека спустя!!».

Чтобы понять, как сложились парадигмы меньшевиков (и либералов) и большевиков, надо, во-первых, сравнить литературные источники этих групп – они очень различны. Лидеры и авторитеты меньшевиков читали свежие тексты Маркса и слушали его речи.

² На русском языке вышли: в 1927 г. рукопись Маркса «К критике гегелевской философии права», в 1932 г. – «Немецкая идеология» Маркса и Энгельса (полностью). В 1928–1947 гг. вышло 1-е издание сочинений Маркса и Энгельса, в 1955–1981 гг. – более полное 2-е издание (50 томов).

Потом они передавали эти идеи и доводы своим последователям. В России эти источники были почти недоступны, просто из-за цензуры и полиции. Бакунин в 1869 г. перевел «Манифест Коммунистической партии», издал его в Женеве, а эту брошюру конфисковали на границе. Снова его перевел Плеханов в 1882 г., сколько экземпляров попало в Россию, неизвестно. С 1883 по 1900 г. группой Плеханова было опубликовано на русском языке около 30 работ основоположников марксизма, в основном по философии. Но не философия вызвала раскол между меньшевиками и большевиками.

В июле – ноябре 1914 г. Ленин написал трактат «Учение Маркса», который был в 1915 г. напечатан (в неполном виде) в Энциклопедическом словаре Гранат, а потом в мае 1918 г. (Москва) в брошюре «Карл Маркс». Там в приложении даны ценные сведения о трудах Маркса, изданных в России. Эти труды почти все были напечатаны в брошюрах в 1905–1906 гг., во время революции (о некоторых брошюрах Ленин замечает: «большой частью конфискованных»). А дальше идет перечень трудов и писем Маркса на иностранных языках, которые Ленин считал полезными для членов партии.

Однако во всей этой библиографии не было не только издания, но и ни одной рекомендации статьи или письма Маркса или Энгельса, которые бы касались проблем русской революции и были бы предметом раскола между меньшевиками и большевиками. Не упомянуты разгромные тексты Маркса с критикой Бакунина, ни тексты с атаками на народников. Как будто не было полемики с Марксом и Энгельсом со стороны русских революционеров, особенно по поводу брошюры народника П. Ткачева «Открытое письмо г-ну Фр. Энгельсу» (1875), в котором он объясняет, почему в России назревает революция и почему она будет антикапиталистической. А ведь, как писал через полвека Н. А. Бердяев, П. Н. Ткачев был «замечательнейшим теоретиком революции в 70-е годы» и что «Ткачев более предшественник большевизма, чем Маркс и Энгельс».

Для нас Ткачев важен тем, что он, обычно относимый к народникам, шел дальше их. Он, по словам Бердяева, «первый противопоставил тому русскому применению марксизма, которое считает нужным в России развитие капитализма, буржуазную революцию и пр., точку зрения, очень близкую русскому большевизму. Тут намечается уже тип разногласия между Лениным и Плехановым. ...Ткачев, подобно Ленину, строил теорию социалистической революции для России. Русская революция принуждена следовать не по западным образцам. ...Ткачев был прав в критике Энгельса. И правота его не была правотой народничества против марксизма, а исторической правотой большевиков против меньшевиков, Ленина против Плеханова»^[14].

Ответ Энгельса Ткачеву, написанный по просьбе Маркса, – большая статья «О социальном вопросе в России». Она была опубликована в 1875 г. в Лейпциге. Как сказано в предисловии к 18-му тому сочинений Маркса и Энгельса, этот труд «положил начало той всесторонней критике народничества в марксистской литературе, которая была завершена В. И. Лениным в 90-х годах XIX века и привела к полному идейно-теоретическому разгрому народничества».

В 1894 г. Энгельс добавил к ответу на письмо Ткачеву «Послесловие» на 15 страницах. На русском языке «Послесловие» было опубликовано вместе с переводом статьи «О социальном вопросе в России» в Женеве. Перевод сделала Засулич, предисловие написал Плеханов. В этой брошюре Энгельс поставил точку над *i* в вопросе о революции в России:

«Исторически невозможно, чтобы обществу, стоящему на более низкой ступени экономического развития, предстояло разрешить задачи и конфликты, которые возникли и могли возникнуть лишь в обществе, стоящем на гораздо более высокой ступени развития. ...Каждая данная экономическая формация должна решать свои собственные, из нее самой возникающие задачи; браться за решение задач, стоящих перед другой совершенно чуждой формацией, было бы абсолютной бессмыслицей. И к русской общине это относится не в

меньшей мере, чем к южнославянской задруге, к индийской родовой общине или ко всякой иной общественной форме периода дикости или варварства, характеризующейся общим владением средствами производства...

Только тогда, когда капиталистическое хозяйство будет преодолено на своей родине и в странах, где оно достигло расцвета, только тогда, когда отсталые страны увидят на этом примере, “как это делается”, как поставить производительные силы современной промышленности в качестве общественной собственности на службу всему обществу в целом, – только тогда смогут эти отсталые страны встать на путь такого сокращенного процесса развития. Но зато успех им тогда обеспечен. И это относится не только к России, но и ко всем странам, находящимся на докапиталистической ступени развития...

Революции в России не произошло. Царизм восторжествовал над терроризмом... Оставался только один путь: как можно более быстрый переход к капиталистической промышленности»^[15].

Этот и подобные тексты – категорическое отрицание той российской революции, которая произошла в 1917 г. в форме Октябрьской революции. Но фактически весь массив подобных текстов Маркса и Энгельса как будто исчез – Ленин их не упоминал, а молодежь в условиях революции и гражданской войны не имела доступа к этим текстам. Так возникло непримиримое противоречие, о котором старались не говорить, между большевиками и ортодоксальными марксистами.

Сейчас российские философы в энциклопедии пишут: «Вокруг “Капитала” развернулась многолетняя дискуссия с участием народников, западников-либералов, а затем и первых российских марксистов. Речь шла о применимости теории Маркса к России. В спорах речь шла о путях ее исторического развития (самобытный путь или следование за Западом по пути капитализма?).

«На эту дискуссию Маркс прореагировал в *неотправленном* письме в редакцию журнала “Отечественные записки” (1877). В нем он высказался против превращения его теории в философско-историческую схему обязательного пути для всех народов. То же он писал и в письме к В. И. Засулич (1881). В нем он отметил, что русская община при определенных условиях может явиться точкой опоры социального возрождения России (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 19)»^[16].

Последняя фраза этого фрагмента статьи *неверна*. Письмо Маркса к Засулич о русской общине (1881) *не было отправлено*. Мало того, Маркс, думая над ответом на вопрос Засулич, написал четыре текста – и ни одного не решился отправить. Это был красноречивый сигнал. Маркс верно оценивал потенциал русской крестьянской общины, но эта реальность настолько противоречила его стройному учению, что он решил не подрывать эту стройность. А сейчас многие авторы утверждают, что этим письмом к Засулич Маркс расширил свою концепцию и одобрил народников.

Вообще, странно, что за все время советского периода наши философы и историки ни разу не объяснили гражданам причины, по которым основоположники марксизма делали заявления, совершенно противоположные их коммунистическим устремлениям.

Ведь уже в «Немецкой идеологии», которая была сжатым резюме всей доктрины марксизма, Маркс и Энгельс отвергали саму возможность социалистической революции, совершенной угнетенными народами, в «отставших» незападных странах. Они писали: «Коммунизм эмпирически возможен только как действие господствующих народов, произведенное “сразу”, одновременно, что предполагает универсальное развитие производительной силы и связанного с ним мирового общения... Пролетариат может существовать, следовательно, только *во всемирно-историческом смысле*, подобно тому как коммунизм – его деяние – вообще возможен лишь как «всемирно историческое» существование».

Меньшевики такие заявления проглотили, но человеку культурно-исторического типа «советский» это претило. Хорошо, что мало кто читал «Немецкую идеологию». Сейчас все это вылезло, и делать вид, что мы этого не знаем, просто глупо.

В начале века марксизм в России стал больше, чем теорией или даже учением: он стал формой общественного сознания в культурном слое. Поэтому Ленин как политик мог действовать только в рамках «языка марксизма». Он в своей политической стратегии следовал изучению реальности, презирая свои вчерашние догмы, – но делал это, не расшатывая мышления своих соратников. Ленин сумел выполнить свою политическую задачу, не входя в конфликт с общественным сознанием. Ему постоянно приходилось принижать оригинальность своих тезисов, прикрываться Марксом, пролетариатом и т. п. Он всегда поначалу встречал сопротивление почти всей верхушки партии, но умел убедить товарищей, обращаясь к здравому смыслу. Но и партия сформировалась из тех, кто умел сочетать «верность марксизму» со здравым смыслом, а остальные откалывались – Плеханов, меньшевики, эсеры, Бунд, потом и троцкисты.

Все это привело к открытому конфликту в 1917 г., а в 1918 г. уже и к Гражданской войне.

Суть Октября как выбора, альтернативного марксизму, сразу отметили многие социал-демократы России и Европы – сразу после Апрельских тезисов. Лидер эсеров Чернов заявил это воплощением «фантазий народников-максималистов», лидер Бунда Либер (Гольдман) видел корни стратегии Ленина в славянофильстве, на Западе сторонники Каутского определили большевизм как «азиатизацию Европы». Профессор социал-демократ П. Шиман писал в брошюре «Азиатизация Европы»: «Внутреннее окостенение, которое было свойственно народам Азии в течение тысячелетий, стоит теперь призраком перед воротами Европы, закутанное в мантию клочков европейских идей. Эти клочки обманывают сделавшийся слепым культурный мир. Большевизм приносит с собой азиатизацию Европы». И это было почти общим местом в рассуждениях о советской революции.

Немецкие социал-демократы 20-х годов XX века, продолжая линию Маркса, видели связь между большевиками и народниками. Видный социал-демократ Г. Штребель писал в 1921 г.: «Если большевики и воображали, что русских крестьян можно... завоевать на сторону коммунизма и коммунистического способа производства, то они лишь доказывали вновь, что они обретаются в плену типичных представлений старого русского революционизма, которые составляют специфическую сущность бакунизма»^[17].

Стоит обратить внимание на это настойчивое повторение идеи, будто большевики были силой *Азии*, в то время как и либералы-кадеты, и марксисты-меньшевики считали себя силой *Европы*. Они подчеркивали, что их столкновение с большевиками представляет собой *войну цивилизаций*.

Доводом для отрицания Октябрьской революции была марксистская догма, согласно которой антикапиталистическая революция должна произойти в развитых промышленных странах Запада, а русские революционеры должны действовать под контролем западных социалистов.

Вот суждение родоначальника российского марксизма Г. В. Плеханова относительно Октябрьской революции и капитализма: «Маркс прямо говорит, что данный способ производства никак не может сойти с исторической сцены данной страны до тех пор, пока он не препятствует, а способствует развитию ее производительных сил. Теперь спрашивается, как же обстоит дело с капитализмом в России? Имеем ли мы основание утверждать, что его песенка у нас спета, т. е. что он достиг той высшей ступени, на которой он уже не способствует развитию производительных сил страны, а, наоборот, препятствует ему? Россия страдает не только от того, что в ней есть капитализм, но также от того, что в ней недостаточно развит капиталистический способ производства. И этой неоспоримой истины никогда еще не оспаривал никто из русских людей, называющих себя марксистами»^[18].

Сразу после революции, 28 октября 1917 г. Плеханов опубликовал открытое письмо петроградским рабочим, в котором предрекал поражение Октябрьской революции: «В населении нашего государства пролетариат составляет не большинство, а меньшинство. А между тем он мог бы с успехом практиковать диктатуру только в том случае, если бы составлял большинство. Этого не станет оспаривать ни один серьезный социалист».

Либер писал (в 1919 г.): «Для нас, “непереучившихся” социалистов, не подлежит сомнению, что социализм может быть осуществлен прежде всего в тех странах, которые стоят на наиболее высокой ступени экономического развития, – Германия, Англия и Америка – вот те страны, в которых прежде всего есть основание для очень крупных победных социалистических движений. Между тем с некоторого времени у нас развилась теория прямо противоположного характера. Эта теория не представляет для нас, старых русских социал-демократов, чего-либо нового; эта теория развивалась русскими народниками в борьбе против первых марксистов. Эта теория очень старая; корни ее – в *славянофильстве*»^[19].

Чистым, почти экспериментальным случаем можно считать политику *меньшевиков*, которые пришли к власти в Грузии. Руководил ими марксист Жордания, в прошлом член ЦК РСДРП (кстати, как и Сталин, исключенный из духовной семинарии). В отличие от меньшевиков в Петрограде, Жордания в Грузии убедил партию не идти на коалицию с буржуазией, а взять власть самим. Сразу была образована Красная гвардия из рабочих, которая разоружила солдатские Советы, поддерживавшие большевиков (в этих Советах русские были в большинстве).

В феврале 1918 г. эта Красная гвардия подавила демонстрацию большевиков в Тифлисе. Внутренняя политика правительства Жордания была *социалистической*. На выборах Учредительного собрания (в начале 1919 г.) с большим преимуществом победили социал-демократы. Было создано однопартийное (социал-демократическое) правительство.

В Грузии была проведена аграрная реформа – земли рода Романовых конфисковали, часть земли из государственных фондов передали в частную собственность, предполагалась также передача бывших надельных и других земель в собственность для фермерских хозяйств. Из конфискованных помещичьих земель крестьянам в кредит было передано 340 тыс. десятин. Затем были национализированы рудники и почти вся промышленность (по найму у частных собственников к 1920 г. в Грузии работало всего 19 % занятых). Была введена монополия на внешнюю торговлю.

Таким образом, возникло социалистическое правительство под руководством марксистской партии, которое было непримиримым врагом Октябрьской революции. И это правительство вело войну против большевиков. Как это объясняется? Жордания объяснил это в своей речи 16 января 1920 г.: «Наша дорога ведет к Европе, дорога России – к Азии. Я знаю, наши враги скажут, что мы на стороне империализма. Поэтому я должен сказать со всей решительностью: я предпочту империализм Запада фанатикам Востока!»³

К моменту Октябрьской революции партия меньшевиков потеряла популярность, во многом из-за своего широкого участия во Временном правительстве. На выборах в Учредительное собрание она набрала всего 2–3 % голосов.

Рассмотрим намерения и векторы русских либералов – кадетов.

³ Другим примером может служить Юзеф Пилсудский, ставший диктатором Польши и начавший, под давлением Антанты, войну против Советской России в 1920 г. Он был российским революционером и социалистом, поклонником Энгельса, после 1917 г. – руководителем Польской социалистической партии. Пилсудский был сослан в Сибирь по тому же делу о подготовке покушения, по которому был казнен брат Ленина Александр Ульянов.

Русский либерализм. Кадеты

Это политическое и культурное сообщество сыграло важную роль в Февральской революции, затем в Гражданской войне. Проект, предложенный этим сообществом, стал частью доктрины реформы СССР и постсоветской России в конце XX века.

Единственной большой либерально-демократической партией в России в начале XX века была *Конституционно-демократическая партия* (в обиходе – кадеты). Кадеты были носителями «европеизированного» сознания и мечтали о преобразовании России парламентским путем по западному образцу. С точки зрения современных мыслителей (например, Явлинского), кадеты были идеальной партией. Они были приверженцами западной демократии и рыночной экономики, не запятнали себя ни терроризмом, ни крутыми административными или революционными мерами. Как говорили, кадеты были интеллектуальной «партией мнения». Они имели в своих рядах многих видных философов и экономистов, ученых и публицистов. Склонные к рефлексии, кадеты оставили множество ярких выступлений, которые в совокупности служат для нас важным свидетельством эпохи.

Становление их партии началось с издания с июля 1902 г. в Штутгарте нелегального журнала «Освобождение», редактором которого был известный философ, «легальный марксист» Б. П. Струве. В 1903 г. возникли две организации – «Союз освобождения» и «Союз земцев-конституционалистов». Они и образовали партию на съезде в октябре 1905 г. в Москве, на волне революции и с целью подготовки к выборам в Государственную думу. Кадеты считали себя партией «внеклассовой» и отвергали идею *социальной* революции, хотя и признавали возможность, в крайнем случае, революции *политической*. На втором съезде, в январе 1906 г., к названию партии было прибавлено: *Партия народной свободы*.

Надо добавить, что 12 июня 1906 г. была учреждена другая либеральная партия – *Прогрессивная партия мирного обновления*. В ее фракцию в Думе входили 25–29 депутатов и до 40 «сочувствующих»^[20].

Кадеты получили большую поддержку со стороны еврейской буржуазии, которая приняла активное участие в революционном процессе в России. «Краткая еврейская энциклопедия» приводит такие слова С. Ю. Витте: «Почти все еврейские интеллигенты, кончившие высшие учебные заведения, пристали к партии “Народной свободы”, которая сулила им немедленное равноправие. Партия эта в значительной степени обязана своим влиянием еврейству, которое питало ее как своим интеллектуальным трудом, так и материальным».

Самое активное участие принимали кадеты в деятельности масонства, которое вновь начало свою деятельность в России в 1905 году. Так, А. М. Коллюбакин, левый кадет, один из основателей партии кадетов (Партии народной свободы), с 1905-го член ЦК партии, член III Государственной думы, был в 1907 г. членом-основателем ложи «Полярная звезда» в Петербурге. В 1910 г. он был в числе основателей Верховного совета Великого востока народов России (ВВНР) – политической организации, которую учредили масонские ложи на съезде в 1912 г. В 1913–1914 гг. он был Генеральным секретарём ВВНР, а также членом ложи «Роз», объединявшей масонов – членов Государственной думы⁴.

К весне 1906 г. по всей России возникло более 360 комитетов разного уровня партии кадетов, в ней насчитывалось около 70 тыс. членов. Они создали обширную прессу – до 70 центральных и местных газет и журналов, много партийных клубов и кружков. По интенсивности пропаганды и качеству ораторов им не было равных – кадеты распространяли бес-

⁴ Надо отметить, что А. М. Коллюбакин в 1893 г. был поручиком лейб-гвардии Измайловского полка и уволен из армии за либеральные идеи. Во время Первой мировой войны его не взяли в армию как политически неблагонадежного, он подал прошение царю о направлении в действующую армию, 21 января 1915 г. поднял свою роту в атаку в ночном бою и погиб.

платные брошюры, расклеивали плакаты, снимали для избирательных собраний хорошие помещения, куда стекались по несколько тысяч человек.

В ходе революции 1905 г. даже правые кадеты не выступали против революции *как принципа*, они лишь призывали «не делать из революции кумира». В их среде было ясно понимание того, что они как политическая сила были созданы демократическим движением масс и, по словам Ленина, рассчитывали «на массы, как на *пьедестал* своих успехов». Лидер кадетов П. Н. Милюков напоминал, что 17 октября 1905 г. (издание царского Манифеста о первой либеральной реформе) «наступило не одними усилиями партии народной свободы, – а усилиями, гораздо более решительными, партий, стоящих левее».

Милюков так определил границы пространства их партии: справа – это аграрии и промышленники, слева – сторонники вооруженного восстания и демократической республики. В буржуазной среде и в поместном дворянстве кадетов поначалу даже считали «красной» партией.

Кадеты были инициаторами создания в мае 1905 г. Союза Союзов – объединения профсоюзов служащих из «среднего класса». Но эта организация отказалась идти в русле либерального движения. Милюков, которого уже в июле сместили с поста ее председателя, сравнивал кадетов с курицей, которая высидела утят⁵. Он жаловался в воспоминаниях: «Я не предвидел, что очень скоро мне самому придется отойти от Союза Союзов, когда он послушно пойдет за ленинской линией».

Вне союза с «красными» кадеты не имели бы связи с массами и в то же время не представляли бы серьезного партнера для власти. Говоря о роли кадетов в революции 1905–1907 гг., Милюков обращался к противникам справа в Думе: «Мы оказались слабыми не потому, что вы были против нас. Вы пришли позднее, тогда вы сидели по домам. Мы оказались одни потому, что отошла от нас та самая левая сторона, в руководительстве которой вы нас обвиняете. Нас звали в министры тогда, когда считали, что мы – сила и опираемся на такую же красную силу, на какую опираются теперь с правой стороны, – на черную силу. Вот почему нас уважали, пока нас считали революционерами. Но когда оказалось, что мы только строго конституционная партия, тогда надобность в нас прошла».

Витте считал, что либеральная позиция кадетов изначально была обречена на неудачу и что им надо было сдвинуться вправо. Он писал: «Если бы кадеты были со мной, они не оказались бы там, где находятся сейчас. ...Нужно было удержать то, что давали; нужно было стать октябристами».

Но и сдвиг вправо, по мнению Витте, вряд ли бы помог, потому что кадеты вызывали недоверие, ибо после разгрома революции «стали монархистами в силу обстоятельств, а не по убеждению».

Милюков объяснял, что партия кадетов «была “надклассовой” партией, не исключавшей даже тех надклассовых элементов, которые имелись в социализме. ...Ее взгляды поневоле разделялись всей той умеренной частью социализма, которая вместе с нею делала “буржуазную” революцию».

Позиция интеллектуальной партии очень сложная. Кадеты в своих либерально-буржуазных устремлениях вошли в конфликт со всеми классами и сословиями, не вбирая в себя силу никакого класса. Например, во время Столыпинской реформы кадеты постепенно утрачивали свою позицию и искали компромисса с правительством, удаляясь, таким образом, от крестьянства. На заседании ЦК 31 января 1907 г. правый кадет А. С. Изгоев так определил стратегию партии: «Необходим компромисс. Мы будем соглашаться с теми группами,

⁵ Эта аллегория Милюкова была очень точной: она повторилась и в 1917 г. Меньшевики и эсеры были руководителями Петроградского совета, а к началу ноября 1917 года большевики занимают до 90 % мест. Февральская революция сформировала Временное правительство, а в октябре его отодвинули от власти.

которые признают оппортунизм. Если левые против этого, мы будем заключать союзы с правыми».

В I Государственную думу от кадетов прошло 179 депутатов, член ЦК их партии С. А. Муромцев стал председателем Госдумы, все его заместители и председатели 22 комиссий также были кадетами. Но Дума была разогнана через 72 дня ее работы, 8 июля 1906 г. Перед разгоном I Думы лидер правой партии октябристов А. И. Гучков писал о двух вариантах – смене правого правительства или роспуске Думы: «В первом случае получим анархию, которая приведет нас к диктатуре; во втором случае – диктатуру, которая приведет к анархии. Как видите, положение, на мой взгляд, совершенно безвыходное. В кружках, в которых приходится вращаться, такая преступная апатия, что иногда действительно думаешь, да уж не созрели ли мы для того, чтобы нас поглотил пролетариат?»

Половина депутатов собралась в Выборге и приняла знаменитое Выборгское воззвание (причем предложений левых – социал-демократов и трудовиков, – кадеты не приняли, что отделило их и от рабочих, и от крестьян).

Стоит нам это воззвание сегодня прочитать:

«НАРОДУ ОТ НАРОДНЫХ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ
Граждане всей России!

Указом 8 июля Государственная дума распущена. Когда вы избрали нас своими представителями, вы поручили нам добиваться земли и воли. Исполняя ваше поручение и наш долг, мы составили законы для обеспечения народу свободы, мы требовали удаления безответственных министров, которые безнаказанно нарушали законы, подавляли свободу; но прежде всего мы желали издать закон о наделении землею трудящегося крестьянства путем обращения на этот предмет земель казенных, удельных, кабинетских, монастырских, церковных и принудительного отчуждения земель частновладельческих. Правительство признало такой закон недопустимым. А когда Дума еще раз настойчиво подтвердила свое решение о принудительном отчуждении, был объявлен роспуск народных представителей. Вместо нынешней Думы правительство обещает созвать другую через 7 месяцев...

Граждане! Стойте крепко за погрязшие права народного представительства, стойте за Государственную думу. Ни одного дня Россия не должна оставаться без народного представительства. У вас есть способ добиваться этого.

Правительство не имеет права без согласия народного представительства ни собирать налоги с народа, ни призывать народ на военную службу. А потому теперь, когда правительство распустило Государственную думу, вы вправе ему не давать ни солдат, ни денег. Если же правительство, чтобы добыть себе средства, станет делать займы, то такие займы, заключенные без согласия народного представительства, отныне недействительны, русский народ никогда их не признает и платить по ним не будет. Итак, до созыва народного представительства не давайте ни копейки в казну, ни одного солдата в армию. Будьте тверды в своем отказе, стойте за свое право все, как один человек. Перед единой и непреклонной волей народа никакая сила устоять не может. Граждане! В этой вынужденной и неизбежной борьбе ваши выборные будут с вами».

И разгон Думы, и выпущенное ею «Выборгское воззвание», и суд над подписавшими воззвание 167 депутатами (из которых 100 были кадетами), и заключение в крепость депу-

татов во главе с председателем Думы С. А. Муромцевым – все это углубляло раскол и восставляло против государства даже тех, кто был его опорой. Ведь среди осужденных был «цвет нации», представители старинных дворянских и даже княжеских родов⁶.

В сентябре 1906 г. кадеты отказались от требований Выборгского воззвания и пошли на выборы во II Государственную думу под очень умеренными лозунгами. Они получили 98 депутатских мандатов (вместо 179 в I Госдуме), но председателем Госдумы опять был выбран член ЦК кадетов (Ф. А. Головин). В III Думу кадеты провели только 54 депутата, а в следующую Думу – 59.

Партия народной свободы была реформистской и стремилась предотвратить революцию. Член ЦК партии кадетов Н. А. Гредескул писал 5 июня 1906 г.: «Наша цель – исчерпать все мирные средства, во-первых, потому, что если мирный исход возможен, то мы не должны его упустить, а во-вторых, если он невозможен, то в этом надо *вполне и до конца* убедить народ до самого последнего мужика».

Эта партия поначалу была «антибуржуазной» и, как говорили в 1905 г. сами кадеты, «не имела противников слева» (а слева от нее были и эсеры, и большевики). Правда, напуганные декабрем 1905 г., кадеты отмежевались от революционного подхода и ограничили себя «конституционализмом».

Идея конституционализма была изложена уже в первых программных документах Союза освобождения. В декларации его конференции сказано: «Считая политическую свободу даже в самых ее минимальных пределах совершенно несовместимой с абсолютным характером русской монархии, Союз будет добиваться прежде всего уничтожения самодержавия и установления в России конституционного режима».

Кадеты разрабатывали два проекта конституции – «проект Струве» и «проект Муромцева», которые обсуждались с виднейшими западными правоведом, включая М. Вебера. Более умеренный, напоминающий германскую конституционную систему, проект Муромцева был «в принципе» принят земским съездом в июле 1905 г. и опубликован в газете «Русские ведомости» вместе с проектом избирательного закона.

Какой была модель государственности России в представлении кадетов? Установки их историк Т. Н. Грановский выразил так: «Запад кровавым потом выработал свою историю, плод ее нам достается почти даром, какое же право не любить его?»

Лидер партии кадетов П. Н. Милюков в 1906 г. дал С. Ю. Витте совет: не пытаться принять «русскую конституцию», а перевести бельгийскую или болгарскую и сделать «основным законом Российской империи». Он же высоко ценил империалистическую политику Англии: «Завидно становится, когда читаешь о культурных методах английской колониальной политики, умеющей добиваться скрепления частей цивилизованными, современными средствами». Эту же позицию в отношении национально-государственного устройства России занимал П. Б. Струве: «Идеалом, к которому должна стремиться в России русская национальность, по моему глубокому убеждению, может быть лишь такая органическая гегемония, какую утвердил за собой англосаксонский элемент в Соединенных Штатах Северной Америки и в Британской империи»^[21].

⁶ На 1914 год 27 из 32 членов ЦК партии кадетов были потомственными дворянами (в том числе 2 – титулованными), 1 – личным дворянином, 2 – потомственными почетными гражданами, 1 – мещанином, 1 – «иногородцем» (иудеем). 13 членов ЦК были землевладельцами, 6 имели своё предприятие или состояли членами правлений и советов различных экономических обществ. По профессиональной принадлежности 19 членов ЦК были земскими деятелями, 11 обладали учёными степенями, 6 являлись адвокатами, 1 – инженером. К числу постоянных деятелей кадетской партии относились Милюков П. Н., принадлежавшие к роду Рюриковичей князья Пётр и Павел Долгоруковы, князь Шаховской Д. И., князь Оболенский В. А., академик Вернадский В. И., профессора Муромцев С. А., Гессен В. М., Петражицкий Л. И., Котляровский С. А.

Либеральный проект расколол российское общество на непримиримые части. В начале XX века «опыт превращения России в Англию» не удался – помешали монархия и консерваторы, а затем Октябрьская революция.

Кратко отметим одну сторону конституционализма кадетов, которая выяснилась сразу после обнародования их программы, – несовместимость их конституционализма со сложившимся в России типом сосуществования народов. Беря за идеал государственного и общественного устройства Запад, либералы заведомо принимали перспективу разрушения России как многонациональной евразийской державы. Таким образом, в случае их успеха (как это и случилось в феврале 1917 г.) их программа обрекала Россию на катастрофу, за которой должен был последовать неминуемый откат, реставрация, уничтожающая тогдашних носителей западнического либерализма. Тот факт, что кадеты этого не предвидели, говорил о серьезном дефекте структуры их социального знания.

Но главное – социальная программа кадетов. Ядром ее была аграрная программа. Вокруг нее в партии шли острые дебаты (о них оставил воспоминания В. И. Вернадский). По аграрному вопросу в среде кадетов шло размежевание на «правых» и «левых». В начале 1906 г. на 2-м съезде партии была образована Аграрная комиссия, в состав которой вошел и Вернадский (в «левую» группу). И в этой комиссии, став в июне 1917 г. председателем Сельскохозяйственного ученого комитета Министерства земледелия, Вернадский отстаивал как первый принцип аграрной политики *идею социальной справедливости* – «как она претворилась в народное сознание или создана вековой народной идеологией»^[22]. Однако левые кадеты, разумеется, не определяли общую линию партии.

В I Думе кадеты предлагали отчуждение и продажу крестьянам сравнительно небольшой части помещичьих земель – тех, которые обрабатывались без привлечения наемного труда и имели урожайность ниже, чем у окрестных крестьян. Целью было постепенное создание слоя фермеров. Во II Думе кадеты, не изменяя целей своей программы, выдвинули «проект 42-х», согласно которому отчуждаемые у помещиков земли поступали в государственный фонд и отдавались крестьянам не в собственность, а в пользование. То есть они предлагали частичную национализацию земли.

Именно трагическая несовместимость этой программы с чаяниями и культурой русского общества стала объектом важного исследования Вебера и много дала ему для понимания современного капитализма и традиционного общества. Кадеты как носители идеалов либерального капитализма вошли в неразрешимое противоречие с традиционным обществом России – и по ходу событий все отчетливее это сознавали. Но уже не могли вырваться из своего «коридора».

Видный правый либеральный деятель Е. Трубецкой писал в 1911 г. в газете «Русская мысль»^[23]: «В других странах наиболее утопически справедливо признаются наиболее крайние проекты преобразований общественных и политических. У нас наоборот: чем проект умереннее, тем он утопичнее, неосуществимее. При данных исторических условиях, например, у нас легче, возможнее осуществить “неограниченное народное самодержавие”, чем манифест 17 октября. Уродливый по существу проект “передачи всей земли народу” безо всякого вознаграждения землевладельцев менее утопичен, т. е. легче осуществим, нежели умеренно-радикальный проект “принудительного отчуждения за справедливое вознаграждение”».

Кадеты считали, что политическая реформа позволит провести и главную социальную реформу – аграрную. И как будто политические требования кадетов совпадали с крестьянскими – и те, и другие поддерживали идею всеобщего избирательного права. Но Вебер считал, что эти взгляды кадетов ошибочны, потому что крестьяне исходят из совсем иного основания: в их глазах всякие ограничения избирательного права противоречат традиции русской общины, в которой каждый землепользователь имел право голоса. Но, как пишет Вебер, «ни

из чего не видно, что крестьянство симпатизирует идеалу личной свободы в западноевропейском духе. Гораздо больше шансов, что случится прямо противоположное. Потому что весь образ жизни в сельской России определяется институтом полевой общины».

Признавая, что кадеты являются истинными западниками (из чего и вытекают их ошибочные надежды), Вебер вскользь отмечает, что сам идеал свободы кадетов в глубине своей отличен от либерального западного идеала. У кадетов он вытекает из идеала справедливости, который имеет у них абсолютный приоритет и вдохновлен верой в этически-религиозную оригинальность политической миссии русского народа. Это, по словам Вебера, есть «этически ориентированная демократия», которая отрицает «этику успеха» и не признает ценность чего бы то ни было этически нейтрального. Иными словами, и кадеты в глубине своей исходили из идеала традиционного, а не западного общества.

Изложим здесь рассуждения Вебера, как их представил видный исследователь его трудов – философ и социолог Ю.Н. Давыдов. Он пишет: «Анализ сознания и практических устремлений всех общественно-политических сил, так или иначе вовлеченных в революционные события 1905–1906 гг. – интеллигенции, инициировавшей революцию и игравшей в ней наиболее активную роль, крестьянства, тонкого слоя собственно “буржуазии”, малочисленного рабочего класса и аморфной городской “мелкой буржуазии” – привел Вебера к заключению, что “массы”, которым всеобщее избирательное право “всучило” бы власть, не будут действовать в духе либеральной буржуазно-демократической программы...

Более того, согласно веберовскому убеждению, есть все основания полагать, что “массам” будут импонировать требования, в основе которых лежат интересы, диаметрально противоположные главной идее конституционных демократов, “по поводу” которой, собственно, и образовалась эта партия, – идее “прав человека”»^[24].

Таким образом, парадоксальность положения кадетов в России была в том, что хотя они имели успех на выборах и, казалось бы, нашли своего избирателя, это был, по выражению Вебера, «чужой избиратель», а вовсе не реальная социальная база кадетов. Он, по словам Вебера, чужд им культурно и в дальнейшем политическом развитии постарается от них избавиться, с тем чтобы преследовать собственные интересы и идеалы, которые не имеют ничего общего с основными буржуазно-демократическими концепциями субъективной свободы, индивидуальной собственности и индивидуальных прав человека.

И это поняли все в России. В 1911 г., когда Столыпин провел один законопроект в обход Основных законов, Марков (лидер правых в Думе) издевался над кадетами: «Вы, гг. конституционалисты, вы не должны забывать, что вы опираетесь только на бумажный закон, и за вами нет никакой силы».

Причем силы не было ни для того, чтобы выступить против реакции справа, ни против революции слева. Е. Трубецкой посвятил этому статью под названием «Над разбитым корытом». Он писал: «Нас губит слабое, зачаточное пока развитие тех средних слоев общества, которые могли бы послужить проводниками правовых идей в жизнь».

Сегодня это покажется странным, но либеральные интеллигенты-кадеты, даже из марксистов, обвиняли социализм (тогда представленный социал-демократами), именно в «буржуазности». Показательна позиция С. Н. Булгакова. Он, которого ранее Плеханов назвал «надеждой русского марксизма», к 1907 г. вобрал в своей философии главные и, казалось бы, взаимоисключающие части мышления русской интеллигенции – либерализм, консерватизм и прогрессизм. Позже, в 1917 г., в своей работе «Христианство и социализм» Булгаков посвятил целый раздел именно критике «буржуазности» социализма: «Он сам с головы до ног пропитан ядом того самого капитализма, с которым борется духовно, он есть капитализм навыворот». Впрочем, далее он пишет о социализме: «Если он грешит, то, конечно, не тем, что он отрицает капитализм, а тем, что он отрицает его недостаточно радикально, сам духовно пребывая еще в капитализме».

Кадеты активно участвовали в дебатах о политике в области образования. Эта политика стала регрессивной. Даже то, что шло с Запада, в силу несоответствия русской культуре приобретало черты архаизации. Николай II был одержим идеей учредить в России типичную школу «двух коридоров», что позволит сократить прием в университеты (подробнее об этом – в главе 7). Это стало одной из причин неприязни к нему со стороны интеллигенции.

Этот конфликт с интеллигенцией после 1906 г. стал быстро углубляться. Во время студенческих волнений в 1910 г. Столыпин попытался обязать профессуру сотрудничать с полицией, чем нанес тяжелый удар по «кадетскому» университету. Со своих постов подали в отставку ректор и проректор Московского университета, и их вообще уволили с должности профессора. В знак солидарности в отставку подали 130 профессоров и преподавателей, включая К. А. Тимирязева, В. И. Вернадского, П. Н. Лебедева и С. А. Чаплыгина.

Надо еще вспомнить важную мысль Г. Флоровского: именно марксизм пробудил в России начала XX века тягу к религиозной философии. Ибо как Флоровский писал: «Именно марксизм повлиял на поворот религиозных исканий у нас в сторону православия. Из марксизма вышли Булгаков, Бердяев, Франк, Струве. ... Все это были симптомы какого-то сдвига в глубинах». В свое время марксистами были не только религиозные искатели, но даже и такие правые лидеры кадетов, как П. Струве и А. Изгоев.

Важным элементом политической системы было духовенство. С. Н. Булгаков, в то время уже видный религиозный философ, так пишет в 1907 г. о состоянии духовного сословия: «Совершенно новым в этих выборах было принудительное участие в них духовенства, причем оно было заранее пристегнуто властью к “правому” блоку и все время находилось под надзором и под воздействием архиерея... И пусть ответственность за грех, который совершен был у избирательных урн рукой духовенства, падет на инспираторов этого низкого замысла, этого вопиющего насилия... Последствия этого сатанинского замысла – сделать духовенство орудием выборов правительственных кандидатов – будут неисчислимы, ибо духовенству предстоит еще отчитываться пред своей паствой за то, что по их спинам прошли в Государственную думу “губернатор” и иные ставленники своеобразных правых».

Для кадетов были важны связи с дворянством – сами они в основном вышли из этого сословия и земской среды. Но вызревание революции вызвало важные изменения в позициях дворянства – это очень влиятельное сословие России стало после 1905 г. *антибуржуазным*, но «справа». Его неприятие либерально-капиталистического строя стало фундаментальным. Правый кадет А. С. Изгоев писал в конце 1907 г.: «Среди двух правящих наших классов, бюрократии и поместного дворянства, мы напрасно стали бы искать конституционных сил. Интересы этих классов не могут быть ограждены при господстве в стране правового строя. Эти классы неспособны осуществить конституции даже в формальном ее смысле».

Кадеты оказались перед сложной дилеммой. Газета «Утро России», которая вновь стала издаваться с ноября 1909 г. на деньги крупного капитала, писала 19 мая 1910 г.: «Дворянину и буржуа нельзя уже стало вместе оставаться на плечах народа: одному из них приходится уходить».

Разрыв дворянства с буржуазией означал также крах октябристов – партии справа от кадетов. Этот разрыв был вполне четко осознан обеими сторонами. Газета «Утро России» писала, в частности: «Союз аграриев с торгово-промышленным классом был бы противоестественным». Или более красочно: «Жизнь перешагнет труп тормозившего ее сословия с тем же равнодушием, с каким вешняя вода переливает через плотину, размывая ее и прокладывая новое русло».

В этой ситуации, после поражения революции 1905–1907 г. и утраты веры в успех Столыпинской реформы, партия кадетов стала уповать на буржуазию («русских Круппов» и «крепкое мещанство»). Она предприняла большую пропагандистскую кампанию, направленную на преодоление враждебного отношения интеллигенции к буржуазии. Вели ее быв-

шие марксисты (авторы книги «Вехи» Струве, Бердяев, Изгоев). При этом им неизбежно пришлось отвергнуть сам идеал равенства.

Струве писал, что основанием прогрессивного общества «является всегда человеческая личность, отмеченная *более высокой степенью годности*». Это был сдвиг к «рыночному» и социал-дарвинистскому представлению о человеке, а значит, к разрыву с той антропологией, на которой стояло общинное мировоззрение крестьян. Струве пытался даже взывать к патриотическим чувствам интеллигенции, призывая считать поддержку развития капитализма как «национальный идеал и национальное служение», но этот рыночный патриотизм отклика не получил (да и вообще это «поле» было прочно занято правыми).

Этот поворот Струве был очень радикальным, и в поддержку ему сразу выступил Бердяев: «Скажут, Струве хочет обуржуазить Россию, привить русской интеллигенции буржуазные добродетели. И Россию необходимо “обуржуазить”, если под этим понимать призыв к социальному творчеству, переход к высшим формам хозяйства и отрицание домогательств равенства».

Предприниматели же пытались привлечь на свою сторону интеллигенцию и даже леворадикальные партии. Контакты с либералами помогали политически воспитывать торгово-промышленные круги и рассказывать им про западный либерализм. В прессе их «беседы» вызвали большой интерес в обществе, что было враждебно принято в правительственных кругах.

Но интеллигенция не видела в буржуазности импульса к «социальному творчеству», зато слишком бросалось в глаза «отрицание равенства». И заметного успеха кампания по смычке интеллигенции с буржуазией не имела. Изгоев вынужден был даже бросить интеллигенции упрек в том, что «западноевропейская буржуазия своими знаниями, энергией, честностью, трудоспособностью во много и много раз превосходит русскую, даже социалистическую интеллигенцию». Упрек интеллигенция проглотила, но в массе своей осваивать главные ценности энергичной западной буржуазии не стала.

После крестьянских волнений 1902–1907 гг. и революции либеральная элита качнулась от «народопоклонства» к «народоненавистничеству». Например, академик Веселовский, либерал и почти социалист, «один из ведущих исследователей Московского периода истории России XIV – XVII веков», так пишет в дневнике: «Еще в 1904–1906 гг. я удивлялся, как и на чем держится такое историческое недоразумение, как Российская империя. Теперь мои предсказания более чем оправдались, но мнение о народе не изменилось, т. е. не ухудшилось. Быдло осталось быдлом... Последние ветви славянской расы оказались столь же неспособными усвоить и развивать дальше европейскую культуру и выработать прочное государство, как и другие ветви, раньше впавшие в рабство. Великоросс построил Российскую империю под командой главным образом иностранных, особенно немецких, инструкторов...»

Годами, мало-помалу, у меня складывалось убеждение, что русские не только культурно отстала, но и низшая раса. ...Повседневное наблюдение постоянно приводило к выводу, что иностранцы и русские смешанного происхождения даровитее, культурнее и значительно выше, как материал, для культуры»^[25].

Во время войны кадеты поначалу отказались от оппозиционной борьбы ради единства правительства и общества. Но уже летом 1915 г. по их инициативе был создан оппозиционный Прогрессивный блок, фактическим руководителем которого стал Милюков. В этот блок вошли 236 из 422 депутатов.

Теперь кадеты выступали под патриотическими, но радикально антиправительственными лозунгами. 1 ноября 1916 г. в Думе Милюков произнес свою знаменитую речь с обвинениями в адрес правительства и двора. Он ставил риторический вопрос: «Что это – глупость или измена?» Цензура запретила эту речь публиковать, но кадеты ее издали миллионными

тиражами и распространяли не только в тылу, но и в действующей армии. Она способствовала дестабилизации обстановки.

В большой части обывателей доверие к кадетам было подорвано. М. М. Пришвин, либеральный писатель и деятель, писал в дневнике 18 октября 1915 г.: «Никого не ругают в провинции больше кадетов, будто хуже нет ничего на свете кадета. Быть кадетом в провинции – это почти что быть евреем».

Кадеты перешли к тактике подрыва авторитета государственной власти, не беря на себя никакой ответственности. Фактически Прогрессивный блок согласовал эту тактику уже в 1915 году и начал подготовку к революции. Председатель Центрального военно-промышленного комитета «прогрессист» А. И. Коновалов заявил в марте 1916 г. на съезде земских и городских союзов: «Под прикрытием работы на оборону страны Всероссийские земский и городской союзы и военно-промышленные комитеты должны выделить из своей среды высший орган, который явился бы для всех них единым направляющим центром и был бы как бы штабом всех общественных сил России».

А в 16 декабря 1916 г. Коновалов открыто заявил в Государственной думе: вся Россия уже осознала, что «с существующим режимом, существующим правительством победа невозможна, что основным условием победы над внешним врагом должна быть победа над внутренним врагом».

Историк Ф. А. Гайда пишет, что политическим оружием кадетов стали «сознательная дискредитация и клевета», и лидерами партии овладело «чувство безнаказанности»: «По мере усиления ненависти к правительству постепенно слабел страх перед стихией. Сковывали лишь слабость и нерешительность, и лишь боязнь перед расправой внушала опасения»^[26].

Он указывает важное различие в политической культуре либералов и большевиков, что было одним из факторов кадетов: «После “февральского переворота” оказалось, что они в действительности мало что умеют, а зияющие пробелы в собственных способностях могут заполнять лишь блестящими пунктами своих политических программ. Однако, в отличие от большевиков, оказавшихся в той же ситуации, либералы не пожелали учиться, будучи уверены, что и так все знают, а вся страна должна лишь внимать их указаниям».

Л. В. Успенский оставил такое описание кадетов уже в 1917 г.: «Дима Мейснер был у нас в ОСУЗе [“Организация учащихся средних учебных заведений”] представителем учащихся Петроградской стороны. С самых первых дней революции он вошел в нашу среду, обладая уже тем, чем мы в большинстве своем не обладали, – совершенно точной политической позицией. Он сразу же заявил себя и все время с большой уверенностью продолжал думать, говорить, поступать как хорошо определивший свои взгляды юный кадет. В эти дни, собственно, уже нельзя было называть кадетов “кадетами”: “ка-дэ” значило ведь “конституционный демократ”. С момента Революции смысл этих слов утратился: “конституционность” предполагала наличие монархии: какая же может быть “неконституционная республика”? Но – то ли по языковой инерции, то ли в силу смутных надежд на Учредительное собрание, которое авось да вернет в Россию монархический, на английский манер, строй, – и они сами, и окружающие продолжали именовать этих “конституционалистов” по-старому. Кадетом не без гордости считал и звал себя и Дима Мейснер.

Он был кадетом не только по настроению и верованиям. Он, как мне теперь представляется, был лично связан с Павлом Милюковым, являлся при нем чем-то вроде “адъютанта по молодежным делам”. Когда я восстанавливаю сейчас в памяти его образ, он рисуется мне стопроцентным милюковцем, одним из тех кадетских деятелей – правда, в те времена только “in spe”, в зародыше, – у которых и во внешности, и в жестах, и в “способе держать себя с окружающими” все было пропитано “кадетизмом”. Что такое был истинный кадет? Прежде всего все они были до мозга костей интеллигентами, даже интеллектуалами: полу-

политическими деятелями, полупрофессорами. Настоящий кадет выглядел, да и в глубине своей был, человеком хорошо образованным, человеком с хорошими теоретическими познаниями по части истории страны, Европы, мира... Среди них были англофилы, подобные В. Д. Набокову, и галломаны, подобные, пожалуй, Ф. И. Родичеву... Все они были несомненными западниками... Всюду – и на кафедрах университетов, и на думской трибуне – они стремились быть прежде всего “джентльменами”. Одни из них как бы подсознательно ориентировались на Кондорсе или на Тьера, другие – на английских вигов – на Питта, на Гладстона... Но при этом все они, начиная со своего идейного вождя и учителя Милюкова, оставались, если вспомнить меткое слово Александра Иванова, художника, обращенное к позднему Гоголю, “прекрасными теоретическими человеками”... Они превосходно разбирались в политике Древнего Рима, в эпохе Кромвеля, во всем, что рассказывали о прошлом их современники – историк Сеньобос или наши профессора-сеньобосы Виноградов и Платонов. Они были до предела “подкованными” во всем, что касалось прошлого – далекого и близкого. Но у них не было ни малейшего представления о реальных закономерностях современной жизни»^[27].

Быть «прекрасными теоретическими человеками», но отвергать здравый смысл и реальность жизни большинства – конечно, не является причиной поражения большого проекта, но служит важным симптомом.

Однако надо сказать, что многие левые кадеты и близкая к ним интеллигенция признавали здравый смысл источником знания и даже одним из корней современной науки. В. И. Вернадский, ставший позже членом ЦК партии кадетов, писал в 1888 г.: «Масса народная обладает возможностью вырабатывать известные знания, понимать явления – она, как целое и живое, обладает своей сильной и чудной поэзией, своими законами, обычаями и своими знаниями. ... Я сознаю, что в народных массах бессознательно идет работа, благодаря которой вырабатывается что-то новое, ... что приведет к неведомым, неизвестным результатам... Вот этой работой достигается известное общественно *знание*, выражающееся в иных законах, иных обычаях, в иных идеалах... Я вижу, как из работы отдельных лиц, опирающихся и исходящих постоянно из познанного массами, выработалось огромное, подавляющее здание науки»^[28].

Более того, во время формирования партии кадетов В. И. Вернадский, ставший членом ЦК этой партии, написал статью «Социализм и научная мысль», где сказано: «Социализм явился прямым и необходимым результатом роста научного мировоззрения; он представляет из себя, может быть, самую глубокую и могучую форму влияния научной мысли на ход общественной жизни, какая только наблюдалась до сих пор в истории человечества... Социализм вырос из науки и связан с ней тысячью нитей; бесспорно, он является ее детищем, и история его генезиса – в конце XVIII, в первой половине XIX столетия – полна с этой точки зрения глубочайшего интереса».

Эта часть кадетов внесла огромный вклад в строительство советского строя. Во многом благодаря им советское общество избежало катастрофы разрыва непрерывности культуры, научной картины мира и рационального мышления.

Но в целом социальная и политическая доктрина кадетов как интеллектуальной партии была неадекватна и реальности российского общества в целом, и состоянию привилегированных сословий, и представлениям социокультурных общностей, с которым кадеты вступили в коалицию, совершившую Февральскую революцию.

В. В. Шелохаев так резюмировал роль российских либералов в революции: «В 1905–1907 гг. либеральную оппозицию постигла неудача в борьбе за власть. Однако ей удалось взять временный реванш в феврале 1917 г. Но в том и в другом случаях прослеживается слабость и нерешительность либералов как в борьбе за власть с авторитаризмом, так и в борьбе за ее удержание с леворадикальными социалистическими партиями. Эта слабость и нерешительность

тельность объясняется прежде всего объективными причинами: отсутствием структурированного гражданского общества в России, недостаточной развитостью капиталистических рыночных отношений, низкой политической культурой большинства населения, стремлением в резко поляризованном обществе решать объективно назревшие проблемы не на компромиссной основе, а путем преимущественно силового решения.

Опыт революций в России заставил либеральных теоретиков и политиков пересмотреть тактику компромисса и прибегнуть, в целях удержания власти, к чрезвычайным мерам управления страной в виде единоличной генеральской диктатуры. Однако и этот опыт в период Гражданской войны 1918–1920 гг. оказался несостоятельным и был вновь пересмотрен кадетами в эмиграции. Так, сторонники милюковской «новой тактики» вынуждены были, хотя и с оговорками, признать определенное позитивное значение демократических и социальных преобразований, происшедших в России в результате октябрьского большевистского переворота»^[29].

К моменту Октябрьской революции кадеты стали радикальной правой партией. В ночь 26 октября, уже во время штурма Зимнего дворца, был создан Комитет спасения родины и революции, в который вошли члены ЦК партий меньшевиков, эсеров и кадетов. На заседании ЦК кадетов 27 октября было принято воззвание «Ко всем гражданам». Смысл его был таков: «Мы взываем к вам: спасите Родину и Свободу». Была попытка организовать восстание юнкеров, но оно было быстро подавлено Красной гвардией и войсками Петроградского гарнизона.

Кадеты попытались бороться с советской властью, но 26 октября были закрыты их газеты «Речь» и «Современное слово», а 28 ноября декретом СНК кадеты были объявлены партией «врагов народа», а члены ее руководящих учреждений подлежали аресту и суду революционного трибунала. Недавно бывшая правящей партия перешла на нелегальное положение. Это означало конец либерально-демократического проекта в России начала XX века. С конца XX века знамя либерализма в России достойно несет либерально-демократическая партия Жириновского.

Эсеры

Социалисты-революционеры (*эсеры*, ПСР) – революционная социалистическая партия России. Первые их организации появились в середине 1890-х гг. Они рассматривали себя как продолжателей традиций «Народной воли» и отвергали догму марксизма обязательного прохождения через формацию капитализма. Партия была образована в 1902 г. из ряда подпольных групп, которые были остатками разгромленной в 1881 г. «Народной воли».

Эсеры считали себя наследниками революционных народников и тяготели к философии *боевого действия*. Один из основателей партии Н. К. Михайловский говорил другому ее видному деятелю, Н.С. Русанову: «Дюринг, обосновавший теорию справедливости на чувстве мести, здорового возмездия, гораздо больше подходит к современной русской действительности, чем Маркс, который изучает явления только объективно и не обладает достаточно боевым темпераментом, чтобы понимать условия русской политической борьбы»^[30].

Экономический кризис 1890-х годов вновь обострил интерес концепции особого пути России к социализму и роли общинного крестьянства в революции. Теоретик эсеров В. М. Чернов в своих работах отрицал мелкобуржуазный характер трудового крестьянства и доказывал общность его интересов с рабочими. Это усилило влияние эсеров среди радикальной интеллигенции. Основой идеологии эсеров была доктрина пути к социализму народников, а в сфере теории допускалось разнообразие. Поэтому с самого начала в партии были разные течения. Будущая революция считалась «социальной», переходным вариантом между буржуазной и социалистической.

Развитие партии было отягощено тем, что ее организация происходила под контролем охранки с 1899 г. Руководил этой операцией начальник московского охранного отделения С. В. Зубатов. Через провокатора Е. Ф. Азефа он организовал и подпольную типографию эсеров, благодаря Азефу были проведены и аресты эсеров по всей России в 1903 г., а потом в Петербурге. Однако полиция не справилась с растущей партией, она возродилась и завязала связи с другими революционными левыми организациями. К 1905 г. в ее составе было более 40 комитетов и групп, объединявших около 2–2,5 тыс. чел. Социальный состав ПСР характеризовался преобладанием интеллигенции, учащихся и студентов. Лишь около 28 % ее членов были рабочими и крестьянами.

Отказавшись от разработки единой стратегической программы и согласившись с идейным плюрализмом, партия разделилась на три самостоятельных течения, между которыми непрерывно возникали разногласия. Были и расколы. Так, в 1905–1906 гг. умеренные образовали Партию народных социалистов, а леворадикальное крыло, предлагавшее усилить террор, образовало Союз социалистов-революционеров максималистов.

Во время революции 1905–1907 гг. и перед ней эсеры совершили 263 крупных террористических акта, в результате которых погибли 2 министра, 33 губернатора, 7 генералов и т. д. Осенью 1906 г. боевая организация была временно распущена и заменена летучими боевыми отрядами. Террор стал децентрализованным, в основном против чиновников среднего и низшего звена. В то время партия насчитывала 63 тыс. членов (социал-демократов всех направлений было тогда в России около 150 тыс.). Получив известность террористической деятельностью и участием в революции, она стала одной из наиболее влиятельных революционных партий. Надо уточнить: в партии эсеров «в Боевую организацию за все годы ее существования входил 91 человек, в специализированные террористические отряды – приблизительно до 300 человек. Всего в эсеровском терроре непосредственно участвовало не более 2 % членов партии»^[31].

В 1917 г. партия эсеров была самой массовой политической силой в России. Ее представители имели большое влияние в Советах и входили в состав Временного правительства,

имели большой успех на выборах в Учредительное собрание. Точно оценить численность политических партий в момент революции трудно, к тому же она исключительно быстро менялась. Например, летом 1917 г. в партию эсеров записывались коллективно – на фронте целыми ротами, а дома – целыми деревнями. Социал-демократы, большевики и меньшевики, принимали в свои партии согласно уставу, принятому еще в 1903 г., – индивидуально и при условии работы в какой-то первичной организации. Понятно, что сравнение по численности столь разных партий мало что дает.

Опираясь на историческую традицию народников, эсеры ставили перед собой очевидные социальные задачи. Они были близки и кадетам, и меньшевикам (только те опирались на иную традицию – марксистскую). Резкое отличие эсеров было в радикализме и применении индивидуального террора как мобилизации масс и подрыва системы власти. Многие идеи, которые они заимствовали у народников и которые привлекали к партии эсеров массы людей (особенно крестьян и солдат), не были развиты в партийной программе. Сегодня можно сказать, что эсеры недооценили этих идей, не развили их и даже отодвинули, и так не довели свои проекты до синтеза традиции с новыми факторами. Они были на пороге великой инновации, но не переступили этот порог. Возможно, его заслонил терроризм, а также они прошли мимо важных мыслей и прорицаний Маркса.

М. М. Пришвин, чуткий наблюдатель, так сравнивал в марте 1917 г. эсеров с социал-демократами: «Эсеры малосознательны, в своем поведении подчиняются чувству, и это их приближает к стихии, где нет добра и зла. Социал-демократы происходят от немцев, от них они научились действовать с умом, с расчетом. Жестоки в мыслях, на практике они мало убивают. Эсеры, мягкие и чувствительные, пользуются террором и обдуманном убийством. Эсерство направлено больше на царизм, чем с-дечество».

Общую программу эсеров трудно сформировать – немного соединяло три их направления. В годы революции 1905–1907 гг. основной целью эсеров было свержение самодержавия (хотя часть вышла из партии). Предполагались созыв Учредительного собрания и приход партии к власти путем демократических выборов на местах и в Учредительном собрании. Программа: ликвидация самодержавия и установление демократической республики. Переход к социализму будет происходить путем реформ. Национальное устройство – федеративное, признание за национальностями права на самоопределение. Отмена частной собственности на землю, ее превращение в общенародное достояние с запретом купли и продажи. Предполагалось введение бесплатной медицинской помощи.

Но все эти установки были невнятными. Вот «Воспоминания террориста» Б. Савинкова, исключительно активного руководителя эсеров, человека, университетски образованного, писателя. Ради чего он пролил море крови? Ни одного конструктивного утверждения, ничего, кроме мечты об Учредительном собрании. Но ведь любой здравомыслящий человек в тот момент в России мог бы задать вопрос: что же ты, Савинков, хочешь сказать в этом Учредительном собрании? Почему вы, эсеры, отвергли в Учредительном собрании в январе 1918 года декреты советской власти, которые были одобрены подавляющим большинством?

При этом эсеры активно участвовали в создании многих профсоюзов, например: Всероссийского железнодорожного союза, Почтово-телеграфного союза, Союза учителей и др. Они имели преобладающее влияние среди рабочих ряда крупнейших петербургских и московских заводов. При поддержке эсеров были собраны Всероссийский крестьянский союз и Трудовая группа в Думе. Во II Думе была фракция эсеров из 37 депутатов, а под их аграрным проектом подписались 104 депутата. В 1906 г. эсеры призвали крестьянство к бойкоту Столыпинской аграрной реформы, а затем бойкотировать и хозяев хуторов и отрубов.

После поражения революции 1905–1907 гг. вследствие массовых арестов, разочарования и эмиграции численность партии резко сократилась. Рост ее рядов возобновился с рабо-

чим движением на крупных предприятиях в 1914 г. После Февральской революции эсеры вошли в первый состав Исполкома Петросовета.

В ПСР оформились правое крыло (газета «Воля народа») и левое крыло (газета «Знамя труда»). Правые эсеры считали, что в России еще нет предпосылок социализма и их задача – демократизация в коалиции с либеральной буржуазией и интеллигенцией (с кадетами). Левые эсеры считали возможным переход к социализму при условии скорой мировой революции. Они отрицали блокирование с кадетами и поддерживали идею однородного социалистического правительства. Эсеры-центристы выдвинули теорию «народно-трудовой» революции, устанавливающей капитализм, но создающей предпосылки социализма.

ПСР официально заявляла о поддержке Советов, но не как *органов власти*, а как классовой организации трудящихся масс, отстаивающей их интересы и контролирующей Временное правительство. Партия эсеров не смогла выработать общую платформу по вопросу об отношении к войне. Правые эсеры признавали необходимость до окончания войны быть союзниками Антанты, а левые эсеры отвергали эту позицию. По мере ухудшения положения России и обострения политического кризиса эсеры-интернационалисты находили все больше сторонников.

Левое крыло ПСР выступало против поддержки Временного правительства, участвуя в антиправительственных выступлениях на улицах Петрограда, а правые эсеры и центристы одобряли вступление Керенского и Чернова во Временное правительство. Эсеры входили в состав трех коалиционных правительств (Керенский, Чернов, Авксентьев и Маслов).

В начале августа 1917 г. численность партии составляла около миллиона человек. Газета «Дело Народа» с июня 1917 г. была одной из самых крупных российских газет (тираж до 300 тыс. экземпляров). Осенью 1917 г. усилились разногласия: правые эсеры выступали за продолжение коалиции с кадетами, а Чернов доказывал, что так партия потеряет популярность. Но большинство членов ЦК в конце сентября поддержало тактику коалиции.

Октябрьскую революцию партия эсеров восприняла как «преступный акт и узурпацию власти», и левые эсеры были исключены из партии. В то же время из партии исключили крайне правую группу эсеров-оборонцев. Это был глубокий раскол.

В ноябре 1917 г. был созван I съезд левых эсеров, который учредил Партию левых социалистов-революционеров (интернационалистов), которая вошла в коалицию с большевиками. Их лидеры предполагали, что эта партия будет представлять крестьянство, но состав этой роли не соответствовал. На II съезде в апреле 1918 г. делегатами были не крестьяне, а революционная молодежь, многие, прошедшие тюрьму и каторгу, в основном рабочие и студенты, без законченного образования. На III съезде (28 июня – 1 июля 1918 г.) было делегатов от 58 тыс. левых эсеров, а всего в партии было около 300 тыс. Программа была неопределенная, действия быстрые и нередко авантюрные (террор, провокации, попытка восстания в Москве 6 июля). После столкновения с большевиками из партии стали уходить^[32].

В начале июня 1918 г., опираясь на поддержку восставшего Чехословацкого корпуса, эсеры (ПСР) объявили войну советской власти. Они образовали Комитет членов Учредительного собрания (КОМУЧ), который объявил себя верховной властью в России, а затем начал мобилизацию в армию («Народную», а в Сибири формировалась «Сибирская армия»). Вот заявление Чернова об этом решении: «В этих условиях в июне 1918 г. Поволжский областной комитет ПСР [партии социалистов-революционеров] заключил с уральским казачьим войском союз для ликвидации большевистской диктатуры и провозглашения власти Учредительного собрания в Поволжье и Приуралье. Центральный комитет ПСР... этот союзный договор утвердил»^[33].

В сентябре в Уфе эсеры учредили Временное Всероссийское правительство (Директорию), но 9 октября 1918 г. из-за наступления красных оно перебралось в Омск. 13 октября в Омск прибыл Колчак и 18 ноября произвел переворот и стал Верховным правителем. Прави-

тельство Колчака развернуло репрессии против эсеров. Директория была арестована, часть депутатов-«учредителей» была выслана за границу, а часть расстреляна по приказу Колчака.

В целом в ходе Октябрьской революции и Гражданской войны эсеры потерпели поражение в борьбе с большевиками. К началу 1921 г. ЦК ПСР прекратил свою деятельность. Летом 1922 г. в Москве прошел процесс над эсерами, обвиненными в организации терактов в 1918 г. 12 человек, в том числе 8 членов ЦК, были приговорены к расстрелу условно (приговор был бы приведен в исполнение, если эсеры продолжат вооруженную борьбу против советской власти). Этот приговор был заменен 5-летним тюремным заключением и 3-летней ссылкой. В 1923 г. в Москве был проведен Всероссийский съезд бывших членов ПСР, принявший решение о роспуске партии.

Предыстория Февральской революции

Когда нынешние идеологи ассоциируют русскую революцию исключительно с большевиками, они обнаруживают, в лучшем случае, наивное невежество. Призрак революции бродил по России еще до декабристов – и не исчезал.

Европейское образование принесло в Россию новые понятия, выработанные Просвещением. Наложившись на православную культуру, эти идеи толкнули исторический ход событий в России в совсем иной «коридор», нежели на Западе. В кратчайший период в среде образованной молодежи соединились идеи православного гуманизма и братства людей с национальной идеей России. Возник росток современного светского и гуманистического российского мировоззрения с сильной революционной компонентой.

Надо вчитаться в стихи, написанные совсем юным А. С. Пушкиным в 1818 г.:

Пока свободою горим,
Пока сердца для чести живы,
Мой друг, отчизне посвятим
Души прекрасные порывы!
Товарищ, верь: взойдет она,
Звезда пленительного счастья,
Россия вспрянет ото сна,
И на обломках самовластья
Напишут наши имена!

А. Радищев страдал угнетенным и возмущался несправедливостью, он говорил эпическим языком традиции. Пушкин же дал язык и новый *понятийный аппарат*. Философ В. В. Розанов сказал, что российскую монархию убила классическая русская литература. Это гипербола, но в ней есть зерно истины.

В 1823 г. Пушкин пишет стихотворение («Деревня»), в котором уже виден вектор *социального* проекта, ставится вопрос об изменении самого типа российского общества:

Не видя слез, не внемля стона,
На пагубу людей избранное судьбой,
Здесь *барство* дикое, без чувства, без закона,
Присвоило себе насильственной лозой
И труд, и собственность, и время земледельца.
.....
Увижу ль, о друзья! народ неугнетенный
И рабство, падшее по манию царя,
И над отечеством свободы просвещенной
Взойдет ли наконец прекрасная заря?

И это не юношеский романтизм. Эти стихи отражают состояние умов целой социокультурной группы, влияние которой так и росло до 1917 года. М. А. Бакунин, давая отповедь на серию статей Ф. Энгельса о реакционном характере русского народа и крестьян (в сравнении с «революционными немцами»), пишет в книге «Кнута-германская империя и социальная революция»: «С 1818 по 1825 год мы видели, как несколько сот дворян, цвет дворянства, принадлежащего к наиболее образованному и богатому классу, подготовили заговор, серьезно угрожавший императорскому деспотизму, ...основываясь ...на полном осво-

бождении крестьян с наделением их землею. С тех пор не было в России ни одного заговора, в котором бы не участвовала дворянская молодежь, часто очень богатая. С другой стороны, все знают, что по преимуществу сыновья наших священников, студенты академий и семинарий составляют в России священную фалангу революционной социалистической партии...

Можете ли вы вообразить себе немецкого бюрократа или же офицера немецкой армии, которые были бы способны составить заговор и восстать за свободу, за освобождение народов? Несомненно, нет... Ну, а бюрократия русская и русские офицеры насчитывают в своих рядах многих заговорщиков, борющихся за благо народа... И я повторяю, большое счастье для русского народа, что он не проникся этой цивилизацией точно так же, как не проникся и цивилизацией монголов».

Кризис в России начала XX века был вызван очередной волной модернизации. В конце XIX века Россия переживала развитие промышленности по образцам западного капитализма. Но это развитие происходило в иных культурных и социальных условиях, нежели на Западе, так что накопившиеся противоречия подвели к революции с иными «действующими лицами». Главные «действующие лица» имели ясно выраженную антибуржуазную и антилиберальную направленность. Не разглядев этого, власти и революционеры наломали дров.

С конца XIX века быстрая утрата легитимности власти в России стала все более очевидной. Революционеры разных направлений (кроме социал-демократов) стали широко использовать террор, и красноречивым симптомом болезни государства был тот факт, что реакция общества была чуть ли не благожелательной. По делу Веры Засулич, совершившей покушение на петербургского градоначальника Ф. Ф. Трепова, суд присяжных вынес вердикт: «Не виновна».

Те культурные силы, которые стремились поддержать легитимность традиционных форм Российского государства (славянофилы в конце XIX века, «черносотенцы» после революции 1905 г.), были дискредитированы в общественном сознании образованного слоя и оттеснены на обочину. Напротив, убеждение в праведности государства стало подрываться с нарастающей интенсивностью. Возник фатальный резонанс между делами подрывающих государственность сил и действиями самого государства. Разумные, примирительные и даже прогрессивные дела царского правительства стали нередко судиться двойным стандартом, искаженно восприниматься в общественном сознании и ухудшать положение. Александр II, осторожно и успешно проводивший труднейшую реформу по отмене крепостного права, был убит народовольцами.

Имевшими большой авторитет западниками в общественном мнении интеллигенции и городского среднего класса был создан ряд «светлых мифов» о Западе и одновременно ряд «черных мифов» о России. Все более широкими становились контакты русской интеллигенции с Западом, где с конца первой трети XIX века в общественном мнении стала господствовать русофобия – представление Российской империи как деспотической тирании, душительницы всякой мысли и свободы. В этой установке удивительным образом совпадали идеологические противники – и консерваторы, и либералы, а потом и марксисты Запада. Такое представление о России «импортировалось» на родину, где благожелательно перепечатывали и комментировали модную на Западе книгу французского маркиза де Кюстина, в которой он дал примитивную карикатуру на государственное устройство России.

В условиях кризиса легитимности выбор линии поведения власти всегда становится очень сложной проблемой: общество реагирует по принципу «всякое лыко в строку». Не смогла стать арбитром в нарастающем расколе общества и власти Церковь. Характер ее участия в политической жизни лишь уменьшил ее авторитет, что нанесло еще больший ущерб легитимности самодержавия. В свою очередь, правительство на крестьянские волнения 1902–1903 гг. ответило репрессиями и вновь введением телесных наказаний для крестьян. Тайная полиция построила небывалую в истории систему провокаций, санкционируя

(через Азефа) широкий террор против государственных чиновников даже очень высокого ранга. Разоблачение таких фактов подрывало сами основы государства и права.

Видный деятель земства Д. Н. Шипов считал даже, что революция стала необходимой для возрождения общества, и чем скорее она произойдет, тем менее разрушительной станет. И так думал не только либерал Шипов. В июне 1905 г. в Петербурге прошло совещание 26 губернских предводителей дворянства, которое поддержало требования земцев о проведении конституционных реформ. В записке, поданной царю, содержалась такая мысль: «Роковое стечение обстоятельств таково, что, если бы удалось силою отсрочить революцию, не устранив ее причин, каждый месяц такой отсрочки отзывался бы в грядущем несоразмерным усилением ее кровавой беспощадности и безумной свирепости»^[34].

Расстрел 9 января 1905 г. («Кровавое воскресенье») сломал хрупкое равновесие – возник кризис, завершившийся первой русской революцией с массовым насилием над крестьянством. Вся структура представлений, восприятий и логики состояния общества и государства, которая привела к Кровавому воскресенью, крайне важна для понимания хода развития русской революции. К сожалению, наше образование обходит стороной это сложное явление.

Р. Ш. Ганелин приводит такие эпизоды. Вечером 8 января группа писателей и либералов (среди них Горький) пришла к сановникам, пытаясь предотвратить кровопролитие. В ночь на 11 января арестовали: «Полиция усмотрела в депутации временное правительство». Позже директор Департамента полиции говорил: «Да, конечно, теперь над этим смеются и высматривают, а могло кончиться иначе, и мы не были бы далеки от истинных предположений».

Через 10 дней после расстрела царь принял «депутацию» рабочих. По словам Витте, им удалось «взять лишь нахрапом» (жандармами). Их переодели, запретили переговариваться и привезли к царю, и он им прочитал по бумажке речь, сказав, что «мятежной толпой заявлять мне о своих нуждах преступно», и закончил так: «Я верю в честные чувства рабочих людей и их непоколебимую преданность их мне, а потому прощаю им вину их». На заседании Комитета министров было сказано, что вся эта затея имела обратный эффект.

До такой степени дошла некоммуникабельность власти, что она стала говорить на языке провокаций и насилия. Причина – отсутствие адекватных показателей и критериев для представления мыслей населения. В июле 1904 г. царь сказал саратовскому губернатору Столыпину: «Если б интеллигенты знали, с каким энтузиазмом меня принимает народ, они так бы и присели». Неадекватной была у царя и оценка последствий Кровавого воскресенья. Директор Департамента полиции А. А. Лопухин записал: «Жестокая решительность военных начальников и покорность войск, проявленные в этот день, вполне укрепили в нем уверенность в безопасности и его лично, и престола». Власть не располагала службами, способными обеспечить государство достоверным знанием о состоянии общества.

По Европе ходили Призраки, они молчали, но все-таки как-то передавали людям *главные вопросы* – и люди вглядывались в реальность, искали ответы и действовали. Так прошел Призрак отца Гамлета, а в новейшей истории целый век бродил Призрак коммунизма. А нас целый век вела русская классическая литература, ставила перед нами не только главные, но и *последние* вопросы. Но литература оперирует художественными образами, а государству и обществу требуется достоверное знание. Его не было.

После 1905 г. созревание революции резко ускорилось, хотя скрылось в подполье. Возникло общее ощущение нарастающего духовного неблагополучия в «верхах». Там «завелась гниль», а для идеократического государства, вся легитимность которого стоит на авторитете, это может стать смертельной болезнью.

Государство в царской России было *идеократическим* (а не либеральным), а общество не *атомизированным* (структурировано общинами, а не индивидами). Движение атомизи-

рованного «человеческого материала» поддается описанию и прогнозированию, как движение атомов идеального газа в классической термодинамике. Солидарные же общественные структуры, в которых идут нелинейные процессы самоорганизации, во многом непредсказуемы.

Это – яркое выражение свойства той государственности, которая возникает в традиционном обществе: постепенная утрата легитимности может доходить до такой стадии, когда все защитные силы «организма государства» иссякают полностью, моментально и как бы необъяснимо. Отдельные подсистемы государства при этом выглядят здоровыми и даже мощными – но в момент кризиса оказываются абсолютно недееспособными. Утрата согласия подданных на продолжение власти лишает ее и силы.

Проблема заключается в том, что в определенные исторические периоды модернизация становится абсолютно необходимой, но, когда режим на нее решается и начинает вводить «прогрессивные изменения», вся система власти неизбежно дестабилизируется. И в этот момент неустойчивого равновесия самые различные заинтересованные в изменениях политические силы (включая криминальные) могут сломать старый порядок.

Именно этот процесс происходил в России в начале XX века и в СССР в конце XX века. Поэт и мыслитель Ф. И. Тютчев писал 28 сентября 1857 г.: «В истории человеческих обществ существует роковой закон, который почти никогда не изменял себе. Великие кризисы, великие кары наступают обычно не тогда, когда беззаконие доведено до предела, когда оно царствует и управляет во всеоружии силы и бесстыдства. Нет, взрыв разражается по большей части при первой робкой попытке возврата к добру, при первом искреннем, быть может, но неуверенном и несмелом поползновении к необходимому исправлению. Тогда-то Людовики Шестнадцатые и расплачиваются за Людовиков Пятнадцатых и Людовиков Четырнадцатых».

В том-то и заключался порочный круг, в который загнала Россию монархия: если не проводить модернизацию, Россию сожрет Запад, а если идти на модернизацию, монархия сама так подрывает свою базу, что Россию может сожрать Запад. Ни сил, ни воли на то, чтобы овладеть кризисом модернизации, монархический режим не имел (как, скажем заранее, и советский в конце 80-х годов). И в момент неустойчивого равновесия Запад «помог» этот режим сбросить. Но в тот момент расчет был, конечно, на то, что вместо царя у власти встанет прозападный либеральный режим.

Но вызревание этой катастрофы было долгим и тяжелым – и дошло до порога.

М.М. Пришвин 3 апреля 1917 г. записал в дневнике такую мысль: «Творчество порядка и законности совершается народом через своих избранников. Таким избранником был у нас царь, который в религиозном освящении творческого акта рождения народного закона есть помазанник божий. Этот царь Николай прежде всего сам перестал верить в себя как божьего помазанника, и недостающую ему веру он занял у Распутина, который и захватил власть и втоптал ее в грязь. Распутин, хлыст, – символ разложения церкви и царь Николай – символ разложения государства – соединились в одно для гибели старого порядка».

Манифест от 17 октября 1905 г. и обещания свобод не могли быть восприняты основной массой русских людей иначе, как издевательство: массовые порки крестьян (иногда поголовно целых деревень) начались сразу вслед за принятием закона, отменяющего телесные наказания крестьян (11 августа 1904 г.). Казни крестьян без суда, зачастую даже без установления фамилии, так что казненных хоронили как «бесфамильных», вошли в практику как раз после Манифеста.

В том же году помещики Дона обратились к министру внутренних дел с петицией против репрессий, говоря о карателях: «Они разъярили всю Россию, заполнили тюрьмы невиновными, арестовали учителей, оставив детей без школьного обучения... Потерпев постыдное поражение в войне с Японией, они сейчас мучают беспомощных крестьян. Каждый

полицейский счет крестьян, и из-за этих убожков наша жизнь, жизнь мирных дворян, стала невыносимой».

Согласившись на допущение ограниченных гражданских свобод с выборами первого сословного парламента (I Государственной думы), даже при очень урезанных избирательных правах, правительство не смогло вести с Думой диалог. Выборы были неравными и многоступенчатыми (для крестьян четырехступенчатыми), и их бойкотировали большевики, эсеры и многие крестьянские и национальные партии. Тем не менее около 30 % депутатов (из 450) были крестьянами и рабочими – намного больше, чем в парламентах других европейских стран⁷. На выборы оказала влияние культурная среда России, и уже первая Дума несла в себе не только парламентское, но и *соборное* начало. Царское правительство распустило первую Думу всего через 72 дня работы (с 27 апреля 1906 года).

Но этот «ручеек» уже размыл плотину самодержавия. И разгон Думы, и выпущенное ею «Выборгское воззвание», и суд над подписавшими воззвание 167 депутатами (из которых 100 были кадетами – членами партии самых умеренных либеральных реформ), и заключение в крепость депутатов во главе с председателем Думы С. А. Муромцевым – все это углубляло раскол и восстанавливало против государства *даже тех, кто был его опорой*. Ведь среди осужденных был «цвет нации», представители старинных дворянских и даже княжеских родов.

В целом государство не овладело ходом событий, а было загнано, возможно, в худший коридор. Была начата очень рискованная реформа по разрушению крестьянской общины через приватизацию земли, не затрагивавшую помещичье землевладение. Расчет на то, что конкуренция разорит «слабых» и создаст слой сельской буржуазии как оплота государства, не оправдался. Реформа лишь ухудшила и экономическую, и политическую ситуацию. П.А. Столыпин был убит, причем утвердилось общее мнение, что этому способствовала охранка.

Наличием этих порочных кругов Вебер объясняет, в частности, маниакальную вражду самодержавия к земству как институту управления – а значит, к значительной части дворянства и интеллигенции. Самодержавие в попытках остановить революцию вынуждено подавлять своих естественных союзников. Дав урезанную, выхолощенную конституцию (Манифест 17 октября), самодержавие стало ее заложником и потеряло свою силу, не приобретя ничего взамен. Отныне оно могло только ухудшать ситуацию, но не имело возможности ее улучшить. «Оно не в состоянии предпринять попытку разрешения какой угодно большой социальной проблемы, не нанося себе при этом смертельный удар», – писал Вебер.

Дума II созыва работала с 20 февраля по 3 июня 1907 года (одну сессию). 1 июня премьер-министр Столыпин обвинил 55 депутатов в заговоре против царской семьи, это была крупная провокация. Дума была распущена указом Николая II (это вошло в историю как *Третьеиюньский переворот*). После разгона II Думы новый избирательный закон сильно урезал представительство крестьян и рабочих.

Кратко отметим, что важным фактором вызревания революции 1917 г. была большая и рискованная «реформа Столыпина». Это был консервативный проект с целью сохранить монархию и сословное общество. После реформы 1861 г. помещичье дворянство постепенно распродало свои земли – трудовое хозяйство общинного крестьянства было эффективнее.

А. В. Чаянов пишет: «В России в период начиная с освобождения крестьян (1861 г.) и до революции 1917 г. в аграрном секторе рядом с крупным капиталистическим хозяйством существовало крестьянское семейное хозяйство, что и привело к разрушению первого, ибо малоземельные крестьяне платили за землю больше, чем давала рента капиталистического

⁷ В английской палате общин в то время было 4 рабочих и крестьянина, в итальянском парламенте – 6, во французской палате депутатов – 5, в германском рейхстаге – 17.

сельского хозяйства, что неизбежно вело к распродаже крупной земельной собственности крестьянам...

Наоборот, экономическая история, например, Англии дает нам примеры, когда крупное капиталистическое хозяйство... оказывается способным реализовать исключительные ренты и платить за землю выше трудового хозяйства, разлагая и уничтожая последнее»^[35].

Историк крестьянства В. П. Данилов пишет, что самым важным конфликтом Думы с правительством был «отказ второй Государственной думы утвердить столыпинский указ от 9 ноября 1906 г., что и привело к ее разгону. Чтобы утвердить, наконец, этот указ, потребовался “третьеиюньский” (1907 г.) государственный переворот и избрание новой, послушной правительству, Думы, где голоса крестьянских представителей почти не были слышны».

История этой реформы хорошо изучена и представлена в литературе^[36]. Здесь возьмем фрагмент статьи Данилова: «Вспыхнувшая вдруг ненависть к общине и смена по отношению к ней охранительной политики на разрушительную были вызваны заботой не о будущем процветании России, а о сохранении помещичьего землевладения, поскольку в 1902–1906 гг. община проявила себя в качестве организации массовых антипомещичьих выступлений...

Реформа была призвана произвести расчистку крестьянских земель от “слабых” в пользу “сильных”, решить, наконец, задачи первоначального накопления в деревне, причем решить уже радикальными средствами, прямым разрушением общины.

Такая оценка Столыпинской реформы в советской историографии обычно связывалась с ленинской позицией... Между тем, заглянув в произведения кадетских авторов-ученых (например, А. А. Кауфмана) или политиков (например, П. Н. Милюкова), мы обнаружим буквальное совпадение отрицательных оценок как социальных целей реформы, так и методов ее осуществления, есть все основания говорить, что в общественном мнении России преобладало отрицательное отношение к Столыпинской аграрной реформе. Крестьянством же реформа воспринималась как насилие. Свидетельств этому очень много и в виде крестьянских жалоб или обращений в прессу, и в виде прямых протестов, вплоть до мятежей...

Административно-принудительные меры осуществления реформы только ускоряли революционный взрыв, а ее массовый социальный продукт явился той силой, которая сыграла активную роль в 1917–1918 гг.»^[37].

Реформа Столыпина – действительно ключевой проект, который не только необратимо запустил маховик революции, но и стал предметом изучения и обсуждения уже более 100 лет. Официальная советская история обходила ряд важных сторон этого предмета, как и много других проблем революции. Но сегодня, возвращаясь к противоречиям и тяжелым конфликтам, всем бы был полезен системный анализ реформы Столыпина. К сожалению, уже идеологическая машина команды Горбачева превратила историю этого проекта в миф как инструмента манипуляции сознания советского, а потом и российского общества. Поэтому здесь помещаем несколько фрагментов из статьи 1991 г. одного из ведущих историков-агров, академика И. Д. Ковальченко. Вот эти короткие утверждения:

«Целый ряд аспектов в истории реформы не получил надлежащего и обоснованного освещения. Чаще всего Столыпинская реформа рассматривается как таковая, без учета того, что в России буржуазное аграрное развитие шло двумя путями – буржуазно-помещичьим и буржуазно-крестьянским, и реформа, направленная на утверждение первого из этих путей, была вслед за революцией 1905–1907 гг. кульминационным моментом в борьбе за утверждение того или иного из них...

Нельзя признать достаточно полно раскрытыми всех причин провала реформы, в частности тех объективных факторов в истории аграрного развития, которые вообще исключали возможность торжества “столыпинского варианта”, а те основные причины, которые анализируются, сводятся к тому, что реформаторам мешали и им не хватило мирного времени!

В итоге остаются нераскрытыми те глубинные противоречия в аграрном развитии, которые обуславливали необходимость Октябрьской социалистической революции...

Известно, что к 1906 г. крестьяне выплатили 2,5 млрд руб. выкупных платежей. С начала 60-х гг. XIX в. до 1910 г. они затратили 8 млрд руб. на покупку частновладельческих земель. Кроме того, крестьяне арендовали у помещиков как минимум 20 млн. дес. земли. На это уходило ежегодно в конце XIX – начале XX в. примерно 150 млн руб., а в период Столыпинской аграрной реформы – не менее 250 млн руб. Следовательно, крестьяне уплатили помещикам несколько миллиардов рублей за аренду земли. В целом за период капитализма эта плата безусловно превысила 10 млрд руб. Это был мощнейший пресс, ограничивавший развитие крестьянского хозяйства...

Важной особенностью буржуазного развития деревни было наличие многочисленного слоя беднейшего крестьянства и увеличение его при сокращении зажиточной прослойки в конце XIX – начале XX в. По данным военно-конских переписей, в 1888–1891 гг. безлошадные и однолошадные дворы в губерниях Европейской России составляли 55,8 % всех дворов, а дворы с четырьмя и более лошадьми – 10,7 %. В 1912 г. это соотношение соответственно равнялось 63,8 % и 6,4 %. Тем самым, с одной стороны, в деревне наличествовала широкая социальная основа для союза рабочего класса с беднейшим крестьянством, с другой – неустойчивое положение зажиточного крестьянства, приводившее в условиях растущего давления на деревню к его прямо-таки стремительному сокращению, что ограничивало возможности для превращения зажиточных крестьян в буржуазных фермеров. Все это порождало общее недовольство существующим положением...

В стране сформировался новый социальный слой, представители которого выступали и как организаторы капиталистического сельскохозяйственного производства, и как носители полукрепостнических форм землевладения и кабальных форм эксплуатации крестьянства. Одни и те же лица одновременно были и капиталистами-аграриями, и помещиками-полукрепостниками...

В 1907–1915 гг. на надельных землях крестьян было создано 1265 тыс. хуторов и отрубов (10,3 % от общего числа всех крестьянских хозяйств), под которыми было занято 12 232 тыс. дес. земли (8,8 % всех крестьянских земель). Всего же с учетом хуторов и отрубов, созданных на землях Крестьянского банка и казны, участковым землевладением было охвачено 15,4 млн дес. земли, что составляет 11 % от общей площади надельных земель. Очевидно, при таком низком удельном весе индивидуальное участковое хозяйство не могло оказать существенного воздействия на общее развитие сельскохозяйственного производства страны.

Всего в 1908–1915 гг. надельную землю полностью или частично продали 1,1 млн дворов (9 % всех крестьянских дворов). Ими было продано 4 млн дес. земли (2,8 % всех надельных земель). ...Продавали землю в основном беднейшие слои деревни. Это была, если можно так выразиться, продажа “из нужды”...

Невозможность ликвидации полукрепостнических пережитков на основе сохранения буржуазного строя стала особенно очевидной в годы Первой мировой войны. Война гигантски ускорила развитие капитализма, окончательно и неразрывно слила это развитие с сохранением феодальных пережитков. Это и было причиной того, что Февральская революция 1917 г. не привела к решению аграрного вопроса. Решить этот вопрос, как и вообще преодолеть кризис, в котором оказалась страна, было невозможно, “не покидая почвы буржуазных отношений”. Так ход исторического развития страны привел к необходимости социалистической революции, которая, проводя национализацию земли, т. е. решая буржуазно-демократическую задачу, вместе с тем открывала путь для движения к социализму...

Тем самым противоречие между настоящей необходимостью ликвидации помещичьего землевладения, основного феодального пережитка в деревне, и невозможностью реше-

ния этой задачи в буржуазных условиях было одной из важнейших исторических предпосылок социалистической революции в России»^[38].

Вернемся к процессу вызревания революций уже 1917 года.

В сфере государственности и этических ценностей российское общество в 1908 г. потрясло дело Е. Ф. Азефа. Он был *осведомителем* полиции с 1893 г., а при Столыпине стал *провокатором* – планировал и осуществлял террористические акты на крупных сановников и министров и в то же время выдавал охранке участников боевой организации эсеров.

Охранка поддерживала прямую связь с террористами. После провала Азефа Столыпину был сделан запрос в Госдуме, поскольку убийство агентами департамента полиции государственных лиц такого масштаба, как министр внутренних дел Плеве и великий князь Сергей Александрович, – дело в истории неслыханное и для государства разрушительное.

На слушаниях по делу Азефа в Госдуме были, например, такие выступления депутатов: «В Твери окружной суд судит за убийство агента губернского жандармского управления, и подсудимый оказывается агентом охранного отделения. В Екатеринославе обливают серной кислотой помощника полицейского надзирателя. Подсудимый заявляет, что служил в охранном отделении по специальности провокатора. В Гродно судебная палата разбирает дело об организации социалистов-революционеров, и главным организатором группы, создавшей целый план террористических действий, оказывается агент охранного отделения. В Киеве окружной суд рассматривает дело об экспроприации, и начальник сыскной полиции сообщает, что руководил экспроприацией отдел сыскного отделения...».

Тогда, в 1908 г., очень многие в России почувствовали, что монархическая государственность обречена, что она попала в порочный круг, из которого не видно выхода. Провокация как защитник государства неминуемо становится и его убийцей (после убийства Столыпина отмечали, что оно было организовано связкой «провокатор – охранка»). Все это показало, как далеко зашло в России развитие системы провокаций как «раковой опухоли государства». Горький, которому сообщили о деле Азефа, писал: «Письмо твое – точно камень в лоб, у меня даже ноги затряслись и такая тоска, такая злоба охватила – невыразимо словами, впечатление оглушающее».

Тем более можно понять, как был деморализован делом Азефа сам государственный аппарат. Новые провокации только запутывали дело, и в высших кругах раздавались требования о предании военному суду то одного, то другого руководителя политической полиции, которых приходилось защищать лично Столыпину. Историк, изучавший дело Азефа, считал, что без понимания этого дела нельзя понять многого в истории русской революции. Он пишет: «Уже сама возможность разговоров на эту тему достаточно ясно говорит о том, какая обстановка создалась после дела Азефа на верхах политической полиции. Полное разложение, полное недоверие ко всем на этих верхах – с одной стороны; глубочайшая дискредитация во всем мире – с другой, – такова была месть Азефа-провокатора той системе, которая создала возможность его появления на свет божий»^[39].

Из возникшего порочного круга правительство и лично Столыпин нашли, пожалуй, худший выход – они встали на защиту Азефа. 18 января 1909 г. произошло событие, ошеломившее общественность и России, и Европы: по обвинению в принадлежности к революционерам был арестован А. А. Лопухин, занимавший до 4 марта 1905 г. пост директора Департамента полиции. Кадетская «Речь» писала: «Заключение в тюрьму лица, которое еще недавно занимало столь ответственный и столь политический пост, как должность высшего руководителя государственной полиции, не имеет за собою precedентов в новейшей русской истории»^[40].

Дума III созыва работала с 1 ноября 1907 г. по 28 июня 1908 г., весь положенный срок. Состав был крайне правый, возникли новые группы. Число депутатов по группам (в скобках число во II Думе): крайних правых – 50 (—), умеренно-правых и националистов – 97

(—), октябристов и примыкавших к ним – 154 (54), «прогрессистов» – 28 (—), кадетов – 54 (98), трудовиков – 13 (104), социал-демократов – 19 (65), эсеров не было (37). Октябристы управляли работой всей Думы.

С большими усилиями правительство готовило состав IV Думы, но в результате разрыв с Думой углубился – октябристы и кадеты перешли в оппозицию. С 1915 года на первый план вышел Прогрессивный блок. И до Первой мировой войны, и особенно во время неё Дума была в оппозиции к правительству.

Начавшаяся в 1914 г. война углубила кризис. Неудачи на фронте легко порождали слухи об измене – верный признак утраты легитимности власти. Духовный распад в кругах высшей власти («распутинщина»), решение государственных вопросов через дворцовые заговоры, явное влияние теневых сил на назначение высших должностных лиц – все это вызывало отвращение в широких кругах. Оно было губительно для монархии, легитимность которой предполагает наличие благодати.

В конце 1916 г. распад государственного аппарата на его высших уровнях резко ускорился. Почти перестал собираться Государственный совет, многие из его членов вошли вместе с думским большинством в «прогрессивный блок», и 1 января 1917 г. пришлось реформировать Госсовет, заменив оппозиционеров крайне правыми. В правительстве шли непрерывные ссоры и интриги, замены министров («министерская чехарда»). Начались тайные совещания противостоящих групп министров, и решение всех важных вопросов взяла на себя придворная камарилья.

Ленин писал уже в марте 1917 года то, что было тогда известно в политических кругах: «Весь ход событий февральско-мартовской революции показывает ясно, что английское и французское посольства с их агентами и “связями”, давно делавшие самые отчаянные усилия, чтобы помешать сепаратным соглашениям и сепаратному миру Николая Второго с Вильгельмом IV, непосредственно организовывали заговор вместе с октябристами и кадетами, вместе с частью генералитета и офицерского состава армии и петербургского гарнизона особенно для *смещения* Николая Романова».

В высших сферах власти сложились два заговора: придворная камарилья искала выход в ужесточении репрессивных мер, чтобы подавить не только революционное движение, но и оппозицию буржуазии. Были значительно увеличены штаты полиции (по 1 городскому на 400 жителей), полиция в городах была вооружена пулеметами. Другой заговор соединил часть думской оппозиции и генералитета. Здесь искали варианты дворцового переворота. Этому заговору сочувствовали некоторые сановники и даже родственники царя. 17 декабря 1917 г. они организовали убийство Распутина.

В мемуарах председатель Думы Родзянко пишет, что даже в царской семье открыто обсуждался вопрос, как «убрать» императрицу Александру Федоровну. Члены семьи обдумывали план «бескровного дворцового переворота, и послы Англии и Франции были в курсе этих переговоров. Налицо был полный развал власти.

В начале января генерал Крымов, приехав с фронта, выступил перед Родзянко, депутатами Думы, членами Госсовета и Особого совещания: «Настроение в армии такое, что все с радостью будут приветствовать известие о перевороте. Переворот неизбежен, и на фронте это чувствуют. Если вы решитесь на эту крайнюю меру, то мы вас поддержим. Очевидно, других средств нет»^[41].

В начале 1917 г. возникли перебои в снабжении хлебом Петрограда и ряда крупных городов. Возможно, они были созданы искусственно, ибо запасы хлеба в России были даже избыточными, – но наличие заговора вовсе не обязательно. Пришвин, служивший в Министерстве земледелия, в Отделе продовольствия рабочих заводов и фабрик, в своих дневниках неоднократно возвращается к этому вопросу. В дневнике он пишет 4 апреля: «Член Совета Министров заставил нас высчитать, сколько всего рабочих занято в предприятиях, обслужи-

вающих оборону. Цифра получается очень небольшая, и странно кажется, что этих рабочих Министерство Земледелия не могло обеспечить продовольствием, что на фабриках, работающих на оборону, повсеместно реквизируются запасы продовольствия... А бумаги все поступают и поступают: там по недостатку хлеба остановился завод, там целый район заводов».

На заводах были случаи самоубийств на почве голода. Подвоз продуктов в Петроград в январе составил половину от минимальной потребности. Продразверстка, введенная правительством осенью 1916 г., провалилась. В начале февраля Родзянко писал царю: «В течение по крайней мере трех месяцев следует ожидать крайнего обострения на рынке продовольствия, граничащего со всероссийской голодовкой».

10 февраля 1917 г. у председателя Думы была последняя аудиенция у царя. Родзянко кончил так: «По-моему, будет революция и такая анархия, которую никто не удержит». По словам Родзянко, «государь ничего не ответил и очень сухо простился».

Царь выпустил манифест: «Занятия Г. Думы и Г. Совета прервать 26 февраля сего года». Вся государственная система рухнула, произошла практически мирная революция. К ней присоединился даже полк личной охраны царя, состоящий только из георгиевских кавалеров. Сил для подавления восстания солдат и демонстраций рабочих не было.

В начале ночи на 28 февраля в ставку поступила телеграмма от командующего Петроградским военным округом генерала Хабалова: «Прошу доложить Его Императорскому Величеству, что исполнить повеление о восстановлении порядка в столице не мог. Большинство частей, одни за другими, изменили своему долгу, отказываясь сражаться против мятежников. Другие части побратались с мятежниками и обратили своё оружие против верных Его Величеству войск. Оставшиеся верными долгу весь день боролись против мятежников, понеся большие потери. К вечеру мятежники овладели большей частью столицы. Верными присяге остаются небольшие части разных полков, стянутые у Зимнего дворца под начальством генерала Занкевича, с коими буду продолжать борьбу».

Начался новый период нашей истории.

Кратко опишем установки главных общностей российского общества в ходе вызревания революции 1917 года.

Крестьянство

Корни революции и Гражданской войны – в реформе 1861 г., которая освободила крестьян от крепостной зависимости почти *без земли*. Было утверждено «временнообязанное» состояние – крестьяне были обязаны продолжать барщину или оброк до выкупа земли. Решили, что это продлится 9 лет, а за это время крестьяне накопят денег на выкуп. Денег крестьяне накопить не могли, и в 1881 г. был принят закон об обязательном выкупе. Точнее, государство заплатило помещикам плату за землю, переходящую к крестьянам, – и обязало крестьян вносить в подконтрольные правительству банки *выкупные платежи*. Фактически крестьяне оказались вынуждены платить государству высокую арендную плату за землю.

Некрасов писал в 1865 г.:

У каждого крестьянина
Душа, что туча черная —
Гневна, грозна – и надо бы
Громам греметь оттудова,
Кровавым лить дождем.

Выкупные платежи крестьян за свою же общинную землю были тяжелейшей нагрузкой. Но и остальные налоги и подати были очень велики.

Для бедственного положения крестьян, составлявших 85 % населения России, имелась *фундаментальная* причина. Развитие капитализма в России шло по совершенно иному пути, нежели на Западе. Оно уже и не могло в принципе повторить путь Запада, поскольку происходило при активном участии уже сложившегося зрелого западного капитализма, а он везде насаждал формы *периферийного* капитализма. Это значит, что анклав современного производства финансируется за счет ресурсов населения, развитие хозяйства которого или тормозится, или деградирует. Вот формулировка: «В отличие от метрополий, общества которых воплотили в самой своей структуре цивилизующие функции капитализма, общества *зависимой от него периферии* явились структурной материализацией его нереволуционизирующих общественный процесс консервативных тенденций»^[42].

Россия в конце XIX и начале XX века была именно страной *периферийного* капитализма. А внутри нее крестьянство было как бы «внутренней колонией» – периферийной сферой собственных капиталистических укладов. Его необходимо было удерживать в натуральном хозяйстве, чтобы оно, «самообеспечиваясь» при очень низком уровне потребления, добывало зерно и деньги, на которые можно было бы финансировать, например, строительство необходимых для капитализма железных дорог. Крестьяне были для капитализма той «природой», силы которой ничего не стоят для капиталиста.

Утверждения, что без Октябрьской революции в России установился бы такой же капитализм, как в Англии или Швеции, наивны (или недобросовестны).

В начале XX века, когда государство с помощью налогообложения стало разрушать натуральное хозяйство крестьян без модернизации, просто заставляя крестьян выносить продукт на рынок, терпение крестьян лопнуло. Вот что говорил историк В. В. Кондрашин на международном семинаре в 1995 г.: «К концу XIX века масштабы неурожаев и голодных бедствий в России возросли... В 1872–1873 и 1891–1892 гг. крестьяне безропотно переносили ужасы голода, не поддерживали революционные партии. В начале XX века ситуация резко изменилась. Обнищание крестьянства в пореформенный период вследствие непомерных государственных платежей, резкого увеличения в конце 90-х годов арендных цен на землю... – все это поставило массу крестьян перед реальной угрозой пауперизации, рас-

крестьянивания... Государственная политика по отношению к деревне в пореформенный период... оказывала самое непосредственное влияние на материальное положение крестьянства и наступление голодных бедствий».

Вот краткая выжимка из статьи известных экономистов-агров Н. Якушкина и Д. Литошенко (1913 г.) в самом распространенном в России энциклопедическом словаре:

«Голод в России. ...После голода 1891 г., охватывающего громадный район в 29 губерний, нижнее Поволжье постоянно страдает от голода: в течение XIX в. Самарская губерния голодала 8 раз, Саратовская 9. За последние тридцать лет наиболее крупные голодовки относятся к 1880 г. (Нижнее Поволжье, часть приозерных и новороссийских губерний) и к 1885 г. (Новороссия и часть нечерноземных губерний от Калуги до Пскова); затем вслед за голодом 1891 г. наступил голод 1892 г. в центральных и юго-восточных губерниях, голодовки 1897 и 98 гг. приблизительно в том же районе; в XX в. голод 1901 г. в 17 губерниях центра, юга и востока, голодовка 1905 г. (22 губернии, в том числе четыре нечерноземных, Псковская, Новгородская, Витебская, Костромская), открывающая собой целый ряд голодовок: 1906, 1907, 1908 и 1911 гг. (по преимуществу восточные, центральные губернии, Новороссия)...

Каковы же причины современных русских голодовок? Подвоз хлеба в нуждающиеся местности в XX в. уже не встречает тех затруднений, как в старое время... Причина современных голодовок не в сфере обмена, а в сфере производства хлеба, и вызываются прежде всего чрезвычайными колебаниями русских урожаев в связи с их низкой абсолютной величиной и недостаточным земельным обеспечением населения, что, в свою очередь, не дает ему возможности накопить в урожайные годы денежные или хлебные запасы... По известным расчетам Мареса в черноземной России 68 % населения не получают с наделных земель достаточно хлеба для продовольствия даже в урожайные годы и вынуждены добывать продовольственные средства арендой земель и посторонними заработками... Исключительная неустойчивость русских урожаев объясняется прежде всего неблагоприятными климатическими условиями... Но поскольку неустойчивость урожая есть явление, вообще свойственное зерновым культурам, избавить от риска недорода может только интенсификация земледелия, полный или частичный переход к многополью, введение в севооборот разнообразных, по преимуществу промышленных культур. В этом отношении положение крестьянского хозяйства очень медленно изменяется... Для всей массы земледельческого населения России, особенно черноземной полосы, общим фоном по-прежнему остается трехпольное хозяйство со всеми опасностями экстенсивной зерновой культуры...

С другой стороны, значение неустойчивости зернового хозяйства имеет как будто тенденцию увеличиваться под влиянием вовлечения крестьянского хозяйства в меновой оборот. Из зерновых культур наибольшей абсолютной неустойчивостью урожаев отличаются пшеница и ячмень. Между тем под влиянием спроса на мировом рынке именно эти хлеба имеют тенденцию расширяться за счет наиболее устойчивых ржи и овса. Внедрение денежных отношений в крестьянское хозяйство оказывает воздействие на народное продовольствие и в других отношениях. Увеличение нужды в деньгах для уплаты налогов, аренды и для удовлетворения собственных потребностей заставляет крестьянина выносить на рынок все большее количество произведений своего хозяйства. В результате на рынок вывозится осенью даже тот хлеб, который затем весной самим же крестьянам приходится выкупать обратно. Вся разница в осенних и весенних ценах ложится на крестьянское хозяйство как следствие такой своеобразной залоговой операции.

И поскольку общая совокупность неблагоприятных экономических условий заставляет прибегать к ней все более широкие и менее обеспеченные собственным хлебом группы крестьянских хозяйств, постольку возрастает возможность возникновения острой продовольственной нужды. Еще важнее общее значение перехода крестьянского хозяйства от натурального строя к денежно-меновым отношениям. Прежде всего сокращается значение

натуральных хлебных запасов, которые раньше, переходя от урожайных годов к неурожайным, ослабляли силу продовольственной нужды... Подводя итоги, можно сказать, что русские голодовки являются следствием неблагоприятного сочетания общественных, экономических и климатических условий»^[43].

В 1902 г. по всей черноземной полосе Украины и Центра прошла волна восстаний. Историк крестьянства В. П. Данилов пишет: «В России начиналась крестьянская революция, на основе которой разворачивались все другие социальные и политические революции, включая большевистскую революцию в октябре 1917 г. ...В 1902 г. на историческую сцену выступил новый крестьянин – крестьянин эпохи революции»^[44].

Крестьянское движение 1905 г. началось 14 февраля в Дмитровском уезде Курской губернии. В ту ночь было совершено нападение на одно из имений, а в следующие дни «разобрано» еще 16 имений в округе. Т. Шанин пишет: «Описания тех событий очень похожи одно на другое. Массы крестьян с сотнями запряженных телег собирались по сигналу зажженного костра или по церковному набату. Затем они двигались к складам имений, сбивали замки и уносили зерно и сено. Землевладельцев не трогали. Иногда крестьяне даже предупреждали их о точной дате, когда они собирались “разобрать” поместье. Только в нескольких случаях имел место поджог и одному-единственному полицейскому были, как сообщают, нанесены телесные повреждения, когда он собирался произвести арест. Унесенное зерно часто делилось между крестьянскими хозяйствами в соответствии с числом едоков в семьях и по заранее составленному списку. В одной из участвующих в “разборке” деревень местному слепому нищему была предоставлена телега и лошадь для вывоза его доли “разобранного” зерна. Все отчеты подчеркивали чувство правоты, с которым обычно действовали крестьяне, что выразилось также в строгом соблюдении установленных ими же самими правил, например, они не брали вещей, которые считали личной собственностью...»

В течение первых месяцев 1905 г. крестьянские действия в значительной степени были прямым и стихийным ответом на нужду и отчаянный недостаток продовольствия, корма и леса во многих крестьянских общинах. Все эти действия были хорошо организованы на местах и обходились без кровопролития»^[45].

Важным фактором было наличие у всего крестьянства России «молекулярной» неуничтожимой и всепроникающей организационной структуры, которая стала механизмом революции, – сельской общины. И вот исключительно важное наблюдение Шанина: «Крестьянские действия были в заметной степени упорядочены, что совсем не похоже на безумный разгул ненависти и вандализма, который ожидали увидеть враги крестьян, как и те, кто превозносил крестьянскую жакерию. Восставшие также продемонстрировали удивительное единство целей и средств, если принимать во внимание отсутствие общепризнанных лидеров или идеологов, мощной, существующей долгое время организации, единой общепринятой теории переустройства общества и общенациональной системы связи».

Осенью 1905 г. крестьянская война охватила практически все регионы помещичьего землевладения. За год было 3228 выступлений крестьян. За 1905–1907 гг. было уничтожено от 3 до 4 тыс. усадеб помещиков, 7–10 % от общего числа.

Вот несколько фрагментов из книги Т. Шанина, которые надо учесть при обсуждении Октябрьской революции: «В течение 1905–1906 гг. в различных частях Европейской России образовался ряд “крестьянских республик”. Их никогда систематически не изучали и не сравнивали друг с другом. Сохранившиеся свидетельства редки и отрывочны, но имеют чрезвычайно большое значение... “Крестьянская республика” России, о которой сохранилось больше документов и которая продержалась дольше других, – “Марковская республика” Волоколамского уезда Московской губернии. Марковская волость была довольно

типичной для Центрального Нечерноземья. Она состояла из шести деревень, в которых насчитывалось около 1000 крестьянских дворов...

Марковская волость была известна в их кругах как “сознательная” – интересующаяся новостями из большого мира и непокорная властям. К лету 1905 г. крестьяне волости с растущим волнением следили за разворачивающейся революцией. Грамотные крестьяне и местная интеллигенция читали и обсуждали на недозволенных собраниях листовки и газеты. 31 октября 1905 г. на сход собралось значительное число крестьян, представлявших также и другие деревни... Сход превратился в массовый митинг...

Сход в Марково пошел дальше, приняв немедленно вступившее в силу решение о неподчинении властям, неуплате налогов и отказе от поставки в армию рекрутов до тех пор, пока все их требования не будут удовлетворены. Затем резолюция была подписана главами всех крестьянских хозяйств и скреплена печатью старостой общины Буршиным, который был тут же избран президентом “Марковской республики”... В ноябре волостной сход принял подобную резолюцию для всей волости, дополнив ее призывом за Учредительное Собрание и требованием “положить конец самодержавию”. Вся волость объявила о коллективном вступлении во Всероссийский Крестьянский Союз...

Они управляли своей волостью через избранных руководителей, демонстрируя открытое неповиновение государственным властям, приказы которых попросту игнорировались. В состав местного комитета Крестьянского Союза были избраны пять человек – секрет, тщательно скрытый от властей. Именно они принимали все важнейшие решения. Арендные платежи были снижены и под контролем, работа школ и местных властей была перестроена. Преданные царскому режиму старосты и местные полицейские были уволены, подвергнуты бойкоту, их игнорировали или высылали из района. Крестьяне не были вооружены, и местный уклонялся от обращения к армии. Попытка восстановить контроль при помощи уговоров провалилась...

В центре Московской губернии в России 1906 г., в условиях наступающей реакции и жестоких репрессий, крестьянская “свободная территория” просуществовала год».

Потребовалась революция 1905–1907 гг., чтобы произошло освобождение крестьянства от выкупных платежей. Это для них было одно из главных завоеваний революции. В 1906 г. выкупные платежи снизили с 90 млн до 35 млн, а в 1907 г. – до 0,5 млн рублей. Фактически они были отменены.

Но резкое изменение в жизнеустройстве и сознании крестьян произвела реформа Столыпина. Разрушительная идея программы Столыпина пугала даже либералов – поборников модернизации по западному типу. Е. Н. Трубецкой писал в 1906 г., что Столыпин, «содействуя образованию мелкой частной собственности, вкрапленной в общинные владения... ставит крестьянское хозяйство в совершенно невозможные условия». Он предвидел, что в политическом плане это ведет «к возбуждению одной части крестьянского населения против другой», и предлагал не поддерживать реформу именно из-за того, что она вызовет «раздор и междоусобье в крестьянской среде».

Д. Н. Шипов писал: «пропасть, отделяющая государственную власть от страны, все растет, и в населении воспитывают чувство злобы и ненависти... Столыпин не видит или, скорее, не хочет видеть ошибочности взятого им пути и уже не может с него сойти».

В труде А. Финн-Енотаевского «Обзор экономической жизни России» (СПб., 1911) сказано о результатах реформы: «Все это ведет к обезземеливанию массового крестьянина, что при настоящих условиях имеет своим результатом не столько пролетаризацию, сколько увеличение пауперизма в деревне. Переход земли в единоличную собственность сам по себе еще не делает прогресса в земледелии. Все остальные условия, препятствующие земледельческой культуре, остаются в силе...

Содействуя развитию зажиточного крестьянского хозяйства за счет массового, отнимая у него землю в пользу богатого, толкая массового крестьянина на усиленную ликвидацию своего хозяйства, обезземеливая его в то время, когда наша экономическая жизнь требует увеличения земли у крестьянской бедноты, – этот закон содействует обнищанию широких слоев крестьянства, а вместе с тем и регрессу земледельческой культуры».

В приговорах и наказах 1905–1907 гг. крестьяне отвергали реформу Столыпина принципиально и непримиримо. Л. Т. Сенчакова подчеркивает, что в приговорах и наказах нет *ни одного*, в котором выражалась бы поддержка этой реформы^[46]. Крестьяне признавали многообразие форм землепользования (общинное, индивидуальное, артельное), но категорически требовали ликвидации помещичьего землевладения без выкупа. Общим было отрицание программы приватизации общинной земли с правом ее купли-продажи.

Крестьяне Костромского уезда и губ. писали в марте 1907 г. во II Госдуму об указе, вводящем в действие реформу Столыпина: «Закон 9 ноября 1906 г. должен быть уничтожен окончательно. Права на земельную частную собственность не должно быть».

А в обобщенном приговоре крестьян всей Костромской губ., отправленном в Госдуму в те же дни, говорилось: «Требовать отмены закона 9 ноября 1906 г., разрешающего выход из общины и продажу наделной земли, так как закон этот через 10–15 лет может обезземелить большую часть населения и наделная земля очутится в руках купцов и состоятельных крестьян-кулаков, а вследствие этого кулацкая кабала с нас не свалится никогда».

Фундаментальная однородность требований по главным вопросам в наказах, полученных из самых разных мест России, говорит о зрелости установок этой огромной общности. Требование отмены частной собственности на землю содержалось в 100 % документов, причем 78 % хотели, чтобы передача земли крестьянам была проведена Думой. 59 % требовали закона, запрещающего наемный труд в сельском хозяйстве, 84 % требовали введения прогрессивного прямого подоходного налога. Среди неэкономических требований выделяются всеобщее бесплатное образование (100 % документов), свободные и равные выборы (84 %).

Главные политические и философско-политические течения начала XX века, оттеснившие на обочину народников, следовали западническим представлениям о человеке, собственности, хозяйстве. Не понимая мировоззрения крестьян, они невольно углубили общественный раскол, придали ему характер поистине религиозного конфликта.

Удивительно точным оказалось предвидение М. Вебера, который внимательно следил за ходом революции 1905–1907 гг. Он писал в 1906 г.: «О разложении “народнической” романтики позаботится дальнейшее развитие капитализма. Без сомнения, ее место займет, по большей части, марксизм. Но для работы над огромной основополагающей аграрной проблемой его духовных средств совершенно недостаточно, и именно она может вновь свести между собой оба эти слоя интеллигенции».

Роспуск Думы, на которую крестьяне возлагали надежды в решении земельного вопроса, сильно подорвал монархические чувства самого многочисленного сословия. Возросло пассивное сопротивление (например, бойкот винной монополии). На сходах принимались решения такого рода: «Мы полагаем, что в настоящее время глупо было бы платить подати, поставлять рекрут и признавать какое-либо начальство – ведь это все лишь к нашему вреду ведется».

По статьям Толстого можно воспроизвести весь ход событий, через которые довели Россию до революции. И особо он пишет о крестьянстве – сословии, которое составляло 85 % народа. Толстой объясняет: «В то время как высшие правящие классы так огрубели и нравственно понизились, что ввели в закон сечение и спокойно рассуждают о нем, в крестьянском сословии произошло такое повышение умственного и нравственного уровня, что употребление для этого сословия телесного наказания представляется людям из этого сословия не только физической, но и нравственной пыткой...».

Для блага нашего христианского и просвещенного государства необходимо подвергать нелепейшему, неприличнейшему и оскорбительнейшему наказанию не всех членов этого христианского просвещенного государства, а только одно из его сословий, самое трудолюбивое, полезное, нравственное и многочисленное».

В период работы первой Государственной думы произошел всплеск политической активности крестьян. Они в массовом масштабе освоили чтение газет (тогда в России издавалось более 3000 газет и журналов). Л. Т. Сенчакова представила документ – исправник Юрьев-Польского уезда пишет доклад губернатору Владимирской губернии (3 июня 1906 г.): «Благодаря массе получаемых крестьянами газет, причем предпочитают ими более резкие, интерес к которым у крестьян очень велик, они знают все, что происходит в Петербурге. ...Каждая газета со стенографическим отчетом заседаний Государственной думы действует настолько разжигающе, что прокламации становятся почти безвредными листками.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Комментарии

1.

URL: <https://eadaaily.com/ru/news/2016/11/02/pavel-rodkin-revolyuciya-1917-goda-yubiley-s-zhivym-smyslom>.

2.

URL: <http://www.svoboda.org/a/28101731.html>.

3.

URL: <https://www.pnp.ru/politics/2017/01/24/nasledie-1917-go-prishlo-vremya-lechit-nacionalnuyu-travmu.html>.

4.

Симонян Р. Х. Реформы 1990-х годов и современная социальная структура российского общества // СОЦИС. 2012. № 1.

5.

Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 36. С. 260.

6.

Энгельс у себя дома // Смена. 1945. № 444. Ноябрь. URL: <http://smena-online.ru/stories/engels-u-sebya-doma>.

7.

Хеймсон Л. Меньшевизм и эволюция российской интеллигенции // Россия-XXI. 1995. № 7–8.

8.

Средний возраст в этой группе большевиков был менее 30 лет. А возрастной состав кадетов резко отличался: в возрасте 31–35 лет был только каждый пятнадцатый, а каждый третий был более 52 лет.

9.

Энгельс Ф. Соч. Т. 32.

10.

10 Мы не углубляемся в проблемы 1930–1940-х годов, но отмечаем, что важные сдвиги и изменения при высокой неопределенности приводили к противоречиям и в группе последователей Ленина. Наука становления еще не имела теорий, шли по пути проб и ошибок.

11.

Арзуманян Р. Парадигма нелинейности и среда безопасности XXI века. – М.: Издательский дом «РЕГНУМ», 2012.

12.

Gramsci A. La revolución contra «El capital». En: Gramsci A. Para la reforma moral e intelectual. Madrid, 1998. P. 35–39.

13.

Ленин В. И. Письмо И. И. Скворцову-Степанову от 16 декабря 1909 г. // Ленин В. И. Соч. Т. 47.

14.

Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. – М.: Наука, 1990. С. 59–60.

15.

Энгельс Ф. Послесловие к работе «О социальном вопросе в России» // Энгельс Ф. Соч. Т. 22.

16.

Русская философия: энциклопедия. – М., 2014. С. 362–365.

17.

Эта выдержка, как и утверждения Шимана и Либера, взяты из доклада, сделанного Н.И. Бухариным в 1926 г. Цит. по: Бухарин Н. И. Избранные сочинения. – М.: Политиздат, 1988. С. 277–314.

18.

Плеханов Г. В. Год на родине. Полное собрание статей и речей 1917–1918 гг. Париж, 1921. Т. 1.

19.

Либер М. И. Социальная революция или социальный распад. Харьков, 1919.

20.

См.: Шелохаев В. В. Прогрессисты – партия предпринимателей и интеллектуалов // ПОЛИС. 1993. № 4.

21.

См.: Матюхин А. В. Теория государственного управления в истории русского капитализма. XIX – начало XX в. – М.: Изд-во МГОУ, 2008.

22.

Вернадский В. И. Из размышлений по аграрному вопросу в России // Вопросы истории естествознания и техники. 1989. № 1.

23.

См.: Дякин В. С. Самодержавие, буржуазия и дворянство в 1907–1911 гг. – М.: Наука, 1978.

24.

Давыдов Ю. Н. Макс Вебер и Россия // СОЦИС. 1992. № 3.

25.

Веселовский С. Б. Из старых тетрадей. – М.: АИРО-XX, 2004.

26.

Гайда Ф. А. Либеральная оппозиция на путях к власти (1914 – весна 1917 г.). – М.: РОССПЭН, 2003.

27.

Успенский Л. В. Записки старого петербуржца. – Л.: Лениздат, 1970.

28.

Вернадский В. И. Философские мысли натуралиста. – М.: Наука, 1988.

29.

Шелохаев В. В. Кадеты и революция в России // Политические партии в российских революциях в начале XX века. – М.: Наука, 2005.

30.

Твардовская В. А., Итенберг Б.С. Н. С. Русанов – искатель истины в социализме // Отечественная история. 1995. № 6.

31.

Леонов М. И. Партия эсеров: середина 90-х годов XIX века – 1907 год // Политические партии в российских революциях в начале XX века. – М.: Наука, 2005.

32.

Лавров В. М. Левозерская партия в революции 1917–1918 годов // Политические партии в российских революциях в начале XX века. – М.: Наука, 2005.

33.

Чернов В. М. Перед бурей. Воспоминания. – М.: Международные отношения, 1993.

34.

Ганелин Р. Ш. Российское самодержавие в 1905 году: реформы и революция. СПб.: Наука, 1991.

35.

Чаянов А. В. Крестьянское хозяйство. – М.: Экономика, 1989.

36.

См., например: Анфимов А.М. П. А. Столыпин и российское крестьянство. – М.: Институт российской истории РАН, 2002.

37.

Данилов В. П. Аграрные реформы и крестьянство в России. URL: <http://www.fadr.msu.ru/archives/mailling-list/priv-agr/art-rus/msg00000.html>.

38.

Ковальченко И. Д. Столыпинская аграрная реформа (мифы и реальность) // История СССР. 1991. № 2. URL: http://scepsis.net/library/id_2207.html.

39.

Николаевский Б. И. История одного предателя. Террористы и политическая полиция. – М.: Высшая школа, 1991.

40.

Балуев Б. П. Дело Лопухина // Вопросы истории. 1996. № 1.

41.

Белоусов Р. А. Экономическая история России: XX век. Т. 1. – М.: ИздАТ, 1999. С. 385.

42.

Крылов В. В. Теория формаций. – М.: Наука, 1997.

43.

Новый энциклопедический словарь / под общ. ред. К. К. Арсеньева. Т. 14. – СПб.: Ф. А. Брокгауз и И. А. Ефрон, 1913.

44.

Данилов В. П. Крестьянская революция в России // Политические партии в российских революциях в начале XX века. – М.: Наука, 2005.

45.

Шанин Т. Революция как момент истины. – М.: Весь мир, 1997.

46.

Фрагменты из приговоров и наказов см.: Сенчакова Л. Т. Приговоры и наказания российского крестьянства. 1905–1907 гг. Т. 1 и 2. – М.: Ин-т российской истории РАН, 1994.